Юлия НИФОНТОВА
г. Барнаул

НЕ ХОЧУ В НОРМАНДИЮ!

Все впечатления и мнения, выраженные в этой повести, – это мнения только выдуманных персонажей и ничьи больше.
С уважением, автор

Человек, который ищет Бога вне себя, похож на пастуха, который ищет барашка в горах, а тот у него за пазухой.
Будда

1. ПРОРОЧЕСТВО

– Девочка, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?
– Вемдей и похер-хакером[1]!

Хочу рассказать вам про самое удивительное событие в моей жизни – про моё путешествие во Францию. Эка невидаль, скажете? Покруче видали! Конечно, для какой-нибудь пресыщенной столичной штучки это обыденное дело – в Париж на уик-энд смотаться. Но для меня, нищей училки из глубокой сибирской провинции... Невероятное везение! С моей самой низкой социальной ступеньки это всё равно что в космос слетать.

Ну да ладно, расскажу по порядку. Дело было в теперь уже далёком «две-тыщщи-лохматом» году, сразу же после бандитских девяностых, когда мы и осознать-то ещё не успели, что лихолетье на убыль пошло.

Все авантюры в застойном болоте моего существования всегда начинаются с Лолки... Лолка звонит всегда невовремя. Мало того, что она может запросто разбудить глубокой ночью, так ещё бесконечные Лолкины монологи затягиваются бессовестно долго. Она щебечет, вскрикивает, сама себе удивляется, сама с собой ссорится... «Театр одного актёра» продолжается до тех пор, пока я не падаю на подушку замертво, проваливаясь в спасительный сон, не в силах больше выдерживать пытки. А неуёмная Лолка взахлёб продолжает страстный монолог, густо пересыпанный задорным матом.

Временами, когда натруженное ухо начинает болеть от долгого соприкосновения с телефон-

Памятка для клиенток международных брачных агентств, а также руководство для желающих выехать за границу по визе невесты: *«Mon amie et mon ange – madame Hülune Lelandais de la Normandie».*

ной трубкой, я укладываю её на подушку рядом с собой и могу на несколько минут позволить себе забыть о том, что веду международные переговоры с Францией. Но, похоже, Лолке совершенно и не нужен активный слушатель. Она упивается одной лишь счастливой возможностью просто говорить на родном языке. Поэтому так яростно и самозабвенно кричит и шепчет, плачет и смеётся, ругается и декламирует стихи... Главное, что по-русски!

С Лолкой мы вместе учились в школе. Таким, как я, всегда достаются роли второго плана, моё амплуа «подружка героини». И я была подружкой Лолки, а она – героиней! Яркой, дерзкой, своенравной...

– Мужик без машины несостоятелен так же, как женщина без ребёнка. Но у нас-то ещё всё спереди!

– Не знаю... У тебя, может, и спереди. А мне уже надеяться не на что... Скажи... ну, а ты вообще как – по Родине совсем не скучаешь?!

– ?..

– Что молчишь?!

– Не знаю даже, как тебе понагляднее объяснить. Ну вот представь себе, сидел какой-нибудь мужик в тюряге всю жизнь. Его там били, унижали, насиловали... Полжизни из-под лавки не вылезал... А потом вдруг р-р-раз! И выпустили на свободу. Вернулся он домой, а там – семья, ждут, любят. Всё вокруг нормально, с ним уважительно разговаривают, вкусная еда, чистая постель, никто не напрягает. Только-только он стал к нормальной жизни-то привыкать, человеком себя почувствовал... А ему зэки звонят из той камеры и спрашивают – ну, ты чо там, не соскучился ещё?! Вот примерно так!

– Господи, да неужели у нас до такой степени всё плохо?!

– Скажу больше, Ленчик, вы в аду!

Помню, как-то в классе восьмом маялись мы на обязательной летней отработке. В нашей стране бесплатного труда нет, кроме труда детей, учителей, солдат и заключённых. Но нам повезло. Лолка вообще с детства – проныра. Поставили нас на пáру в теплице цветы поливать. Другие дети на солнцепёке капусту полют под «прицелами» надзирателей и ещё более безжалостных одноклассников, а мы – красота! – спокойно вдвоём польём всё и – свобода!

За три недели мы с Лолкой всю жизнь друг другу рассказали, все тайны проболтали, все песни пропели... и стали по-настоящему родными людьми. Утро начинали с того, что подолгу сидели за теплицей – просыпались, всё-таки организм уже на каникулы настроился. Потом потихоньку, не спеша приступали к работе и начинали распеваться. После двух-трёх исполнений рок-оперы Рыбникова «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты» замолкали, так как рассказывать было уже нечего. Но однажды, в последний день практики, нас будто прорвало:

– Давай, – говорит Лолка, – пофантазируем, что с нами со всеми после школы будет. Вот представь, что прошло лет эдак десять-двадцать...

Нас понесло. Мы придумывали своим одноклассникам самое невероятное будущее, раздавали им самые несвойственные роли и хохотали как безумные. Тормозной толстой хохлушке Сайке (Тосе Сайко) напророчили карьеру фотомодели в журнале для извращенцев. Забитенькой, с неправильным прикусом Зюзе (Соне Зюзиной) – ревнивого, страстно влюблённого воздыхателя – Отелло. Хулигану, двоечнику и хроническому второгоднику Рюкзаку (Вовке Рюзову) – степень кандидата наук. Смешному, похожему на Винни Пуха увальню Дрюлику (Андрею Пальчикову) – брутальную криминальную биографию. Круглой отличнице Людочке злорадно пожелали не поступить в институт.

– А с нами-то что будет? – спросила я Лолку, когда немного отпустил очередной приступ смеха и стало возможно говорить, понимая сказанное.

– Ты, Ленчик, школу ненавидишь всеми фибрами души, значит, будешь училкой, пока не полюбишь школьные застенки до фанатизма. А я буду очень богатой, мне больше ничего не надо. И тогда джинсы у меня будут настоящие, американские, и красная длинная машина, и самые обалденные парни. За деньги я себе всё куплю: и образование, и уважение, и любовь...

Если бы мы только могли знать, что все наши самые невероятные фантазии жизнь не только исполнит с точностью до запятой, но и приумножит. Тоська не превратится в скелетообразную

манекенщицу, а, переплюнув наши пророчества, превратится в телеведущую и актрису популярных сериалов – Таисию Сайк.

Самая страшненькая Зюзя первой выскочит замуж, именно у неё будет не только крепкая многодетная семья, но и медаль матери-героини. Как утверждает Лолка, заниженная самооценка – фундамент счастливого брака!

Рюкзак вырастет до доктора наук, будет бесконечно долго парить студенческие мозги преподавателем философии в университете.

Дрюлик станет Князем – крутым властителем МКАДа, всесильным держателем бензозаправок вокруг столицы.

А несчастная Людочка останется молодой вдовой с малолетним ребёнком на руках. И, окончив школу с золотой медалью, будет вынуждена работать уборщицей, пока капитально не сопьётся. Поверить в это ***тогда*** было невозможно. Но то, что Лолка обязательно преуспеет в жизни, я не сомневалась, хотя, конечно, и предположить не могла, что она станет мадам Фонтен и будет владеть поместьем в Нормандии с домом, похожим на дворец.

Как ни странно, выросла Лолка в унизительной нищете под градом насмешек и тумаков «ребят из нашего двора». У неё не было грозного защитника папы, и сумасшедше любящая мамаша не выбегала на помощь, слыша отчаянный Лолкин плач. Поэтому издевались над ней безнаказанно и самозабвенно. Дети – самый жестокий и безжалостный народ. Поверьте мне как педагогу с многолетним стажем. Лолка с детства была хорошенькой, умной, бойкой, но... Залатанная школьная форма с короткими рукавами... Бесплатное питание в школьной столовке... Летом – пионерский лагерь на три сезона...

Воспитывала её бабушка. И все в классе были совершенно уверены, что Лолка – круглая сирота. Когда на последнее родительское собрание в выпускном классе заявилась расфуфыренная, нездешне красивая Лолкина мамаша, держа за руку обворожительного мальчика-мулата – младшего Лолкиного братишку, да ещё и вывалила на выпускной бал невероятную сумму – все были просто поражены. Шампанское из-под полы в период сухого горбачёвского указа тоже достала инопланетная Лолкина маман. Но, видимо, на этом её благотворительность и закончилась.

После того как отгремели школьные выпускные балы, Лолка не побежала, выпучив глаза, как все остальные, штурмовать вузы, а устроилась продавцом в ювелирный магазин – поближе к любимому жёлтому металлу.

– Нет, я ничо не пóняла! Где радостный визг? Жё нё компран па?![2] Где спасибо, любимая? Ты меня слушаешь вообще?! Алло!!!

– Ой, Лолочка, извини, я пропустила. Ты что-то сказала?

– Жениха тебе нашла! Миллионер!!! А ты, соня, так и проспишь счастье-то своё!

– Какого жениха? Где нашла?

– Помнишь, я по весне на тебя брачное объявление подавала в газету «Бонжур»? Тебе ещё одни негры отвечали. А тут железный вариант. И, представляешь, живёт рядом – соседний виляж[3]. Просекаешь? Теперь надо всё успеть. Собирайся в Нормандию! Куй железо, пока Горбачев!

Лунный свет заливал холодным голубым сиянием унылую пустынную местность. Тут и там гнулись от резкого ветра реденькие чёрные кустики. Словно злобные пустынные демоны с песчаных дюн, кидали в лицо колючий песок, который забивал рот, глаза, волосы...

– Надо же, а я совсем не такой себе Нормандию представляла! Куда бы спрятаться от этого пронизывающего ледяного кошмара?

На горизонте горбатым силуэтом, словно выгнутая спина гигантского зловещего дракона, возвышался горный хребет. Я шла на ветер, согнувшись в три погибели, но ненавистные порывы пробирали до костей. Волосы били по щекам, превращаясь в твёрдые сосульки. Моё плохонькое платьице нисколько не спасало от холода. Колотила крупная дрожь, зубы стучали, сотрясая подбородок. Голова отказывалась соображать, наверное, мозги тоже промёрзли, стучала только одна мысль: «Нужно добраться до гор – там спасение!»

Очнулась я от безумного предгибельного состояния в полумраке тесной пещеры. Костёр посреди пыльного грота почти догорел, и я придвинулась к теплу так близко, что угли обжигали ноги. Постепенно сознанию возвращалась ясность, и я стала разглядывать неприветливое убежище. Повсюду валялись обглоданные кости, а в дальнем углу тёмными про-

валами глазниц таращился на меня длинный лошадиный череп.

Вдруг вход в пещеру заслонила мощная фигура, поросшая косматой рыжей шерстью. Существо двигалось бесшумно, только подойдя ко мне вплотную, обдало горячим смрадным дыханием и недовольно зарычало. Это было ужасное соединение человеческого и звериного. Оно было явно разгневано бесцеремонным вторжением в его жилище.

Волосатая морда придвинулась к моему лицу, почти касаясь, буравила злобными красными глазками и скалила жуткие мокрые клыки. Его тёплая слюна капала мне на плечо.

Существо явно ждало, когда я подниму глаза. А я всё отводила и отводила взгляд. Тогда чудовище схватило меня железной хваткой, сковав движения и подавляя волю. Меня абсолютно парализовал липкий душераздирающий страх. Я поняла, что выхода нет, и стала медленно поднимать глаза. Когда наши взгляды встретились, я увидела перед собой мутные, дремучие глазёнки животного, которому чужды человеческие законы жалости и сострадания, которому ничего невозможно объяснить. И тогда я осознала своё бесспорное превосходство, и чувство торжества над диким звероподобным существом захлестнуло меня.

Монстр взвыл как ошпаренный и, впившись когтями в плечи, вонзил острые клыки в мою шею...

2. ВЛЮБЛЁННЫЙ ХОББИТ И ВОЛШЕБНЫЙ ФЭН-ШУЙ

Надо всё успеть, покуда грудь высока...
(Из песни бит-квартета «Секрет»)

У меня никогда не было высокой груди. Кажется, что я родилась уже старой и толстой. Даже в пятнадцать лет моя грудь выглядела грудью пятидесятилетней женщины, вскормившей несколько детей. Увы! Природа обидела, и это при таких красивых родителях. Не уродка, конечно, но общение с зеркалом никогда не приносило радости. Ноги короче, чем хотелось бы. Глаза чуть меньше, чтобы считаться красивыми. Нос кнопкой.

Невзирая на все изуверские диеты, коими я себя систематически изнуряла, мне так никогда и не удалось надеть короткую юбку. Исходя из того, что нормальные здоровые мужики клюют исключительно на стройные женские ноги... итог моей жизни был очевиден и печален...

При такой невыдающейся внешности и книжно-бабушкином воспитании произошло то, что должно произойти, – мне тридцать два года и я не замужем. Всё закономерно. Невестой меня назвали лишь однажды – в старшей группе детского сада. Потом коварный жених – мальчик Коля – выбрал себе более симпатичную и лучше одетую девочку Вику. Но меня из благородства не бросил. И мы дружили втроём. Наш тройственный союз Коля объяснял окружающим так: «Вика – это моя тайна, а она, – стеснительно указывая на меня, – мой секрет». Лучше бы сразу бросил.

Позже, конечно, изредка появлялись ухажёры. Но безрезультатно. Те, которые нравились мне, не обращали на меня никакого внимания, а навязываться я считала ниже своего достоинства. А тем, кому нравилась я... Каждый был безобразен по-своему.

Можно было бы, конечно, закрыть глаза и рискнуть. Но не могла я, перешагнув через себя, отдаваться на первом свидании, терпеть маты, расплачиваться за себя в автобусе, когда рядом стоит состоятельный мужчина в предвкушении соития. Да много чего не могла. Посмотрю молча и больше стараюсь не общаться с таким жлобом. Ни на что сверхъестественное я не претендовала, но хотелось хоть элементарного ухаживания. И любви.

Но никто за всю жизнь не подарил мне даже букета цветов (похотливые папаши учеников не в счёт), не повёл по собственной инициативе в кафе, не пригласил танцевать. Наоборот, «женихи» стремились запрыгнуть мне на загривок и проехаться по полной программе. Пребывая в первоначальной иллюзии и думая, что у человека просто пока нет денег, я приглашала сама, платила, угощала, звала в гости. «Женихи» охотно шли, пользовались и неизменно пытались овладеть мной при первой же возможности на моей же территории. После отказа неизменно исчезали навсегда, удаляясь на поиски новой удобной и более сговорчивой дуры. В этом отношении меня чётко сориентировала мудрая и прагматичная Лолка:

– Запомни, Ленчик, любовь измеряется деньгами. Насколько мужик готов раскошелиться, настолько он тебя и любит. Ведь когда любишь – готов всё отдать!

Жизнь не давала мне ни одного шанса, хоть была я очень влюбчивой девушкой. Страдала себе втихомолку, и ни одного дня не проходило без слёз. Лет до двадцати пяти я ещё носилась со своей девственностью в поисках достойного кандидата. Ближе к тридцати была согласна на любого более-менее адекватного, при наличии чувств смирилась бы даже, наверное, с женатым. Но героя, способного на этот беззаветный подвиг, найти так и не удавалось. Когда на горизонте замаячила стыдная перспектива навсегда остаться старой девой, выручила опять же хитроумная Лолка.

После официальной части встречи выпускников она потащила одноклассников к себе домой, по дороге к компании прибились парни из параллельного класса. Накачавшись до поросячьего визга, к полуночи все расползлись. Лолка ушла спать в бабушкину комнату, оставив меня с одним из малознакомых однокашников – Димой-пианистом. Он был сильно пьян и вряд ли представлял, какую важную миссию ему предстояло выполнить. Но оставаться девственницей в мои годы было уже просто неприлично. И я решилась...

На душе остался осадок опустошённости и недоумения. И это всё?! Быстро, больно, нелепо, пусто. Единственное слабое оправдание, которое я придумала этому гадкому акту, – то, что Дима-пианист был очень красив, похож на известного певца – признанного короля эстрады. С тех пор я выключаю телевизор, когда на экране маячит этот постаревший, обрюзгший от осознания своего невыносимого величия, изрядно потёртый эстрадно-королевской жизнью нелепый дядька.

Но ничего не бывает напрасно, зато теперь я точно знала, что мне не нужны отношения, особенно интимные, без чувств. Но вот только неумолимое время текло, а отношения с чувствами никак не заводились...

Да и когда было глупостями заниматься? Сначала школу нужно было заканчивать с серебряной медалью, ещё и одновременно с музыкалкой. Бабушка тогда сильно заболела, перенесла инсульт. Как родители меня в младенчестве к ней подкинули, так мы с ней всю жизнь и живём вдвоём. Доход наш всегда – только с голоду не умереть. Пришлось подрабатывать в детском садике музыкальным работником. После окончания пединститута пошла работать в школу учителем музыки. Это ад кромешный, одним словом, каземат! Кто в этой шкуре не бывал, тот меня вряд ли поймёт.

– Пацаны! Атас! Музычка идёт! Музычка идёт!

– Лен Санна, а у нас сегодня самостоялка будет? А?! Лен Санна! Лен Санна! – со всех сторон галдят мои оглоеды, для которых эти уроки музыки – законный отдых после зверских физик-химий-математик.

Я даже отчество своё стала ненавидеть, как мученик ненавидит инструмент пытки – какие-нибудь щипцы для вытягивания кишков.

Учительница по правоведению принесла как-то в школу свод судебных законов одной из стран северной Европы. Оказалось, что у них человек, более пяти лет проработавший в школе, не имеет права свидетельствовать в суде – деформация личности на фоне агрессивной психотравмирующей среды. Наши все согласились.

Весь день словно находишься внутри осиного роя. Живая жалящая масса окутывает и не замирает ни на миг. Помню, Лолка как-то рассказывала, что у них в открыточном благополучном дворике случилось страшное – дикие осы поселились в почтовом ящике! Тут же примчались бдительные французские спасатели в спецкостюмах на большой машине с мигалкой и победили злостных нарушителей порядка при помощи шланга с отравляющим газом. Эх, мне бы хоть одного такого спасателя...

Но вернёмся к российским реалиям – юное гиперактивное поколение в подмётки не годится истеричным коллегам и в особенности начальствующим дамам в климаксе. Всем вокруг чего-то от тебя надо, и ты заранее в чём-то виновата. Не вовремя сдала журнал, план, отчёт, не досмотрела, прогнулась недостаточно низко, не в той клеточке закорючку поставила. Дёргают, дёргают, дёргают... К концу работы выпита до капли вся кровь. Тут не до женихов! Да и где их взять – кругом одни бабские задницы, одна противнее другой. Физруки-трудовики не считаются, как говорит Лолка, если мужчина работает в школе – это не мужчина.

Хотя... есть у нас один молодой человек, Сергей Сергеевич – историк. Этот в школе явно долго не задержится. В науку пойдёт. Фанатично увлечён своим делом. Наверняка втихаря на кухне диссертацию пишет. Ученикам взахлёб рассказывает много интересного, иногда далеко уходя от школьной программы. Таких чудиков дети любят:

– Уматный тип!

– Прикольный чувак!

Считают его за блаженного, конечно, но прощают всё. И небольшой росточек, и еврейскую картавость, и даже то, что, вещая очередную архаическую байку, историк, впадая в раж, начинал бессистемно махать руками, выпучивал круглые чёрные глаза, горящие диким восторгом, не замечая, что обильно оплёвывает собеседников. Сначала его прозвали «Радзинский», но потом прижилась сказочная версия пятиклашек – «Хоббит».

Он постоянно находился в состоянии одержимости какой-нибудь идеей, каждый раз – новой. На этот раз его сознание помутилось под натиском очарования древнего искусства фэн-шуй.

– Это не игрушки, а правильная организация пространства! Многие недооценивают, и зря. Вы не поверите, Елена, ***оно*** работает!!!

– Что работает, Сергей Сергеевич?!

– А что хотите. По желанию можно активизировать любой из секторов. Если правильно и по науке. Обустроишь сектор «помощников и путешествий» – поедешь куда захочешь. Южный – деньги, слава. Потом идёт сектор любви и партнёрских отношений... – Хоббит всё лопотал и лопотал своим высоким, почти женским голосом с такой скоростью и напором, проглатывая слова, словно за ним гнались злоумышленники, охотясь за тайнами древних китайцев.

– А если я, к примеру, хочу всё сразу: и деньги, и любовь, и путешествия?..

– Всё в наших силах, но больше трёх секторов запускать нельзя, а то они будут гасить друг друга. Для начала необходимо составить план квартиры и определить стороны света по компасу, – обрадовался Хоббит, уловив в моих глазах интерес и вспыхнувшую надежду. – Могу вам помочь, Леночка, с удовольствием!

«Могу вам помочь» – с чего бы это? А глазищи-то как горят! Чёрные, блестящие! И кудряшки такие трогательные к шее прилипли... А ведь он явно и настойчиво симпатизирует. Коварный гном! Мне стало одновременно и приятно, и досадно. У людей нормальные мужики, а ко мне какой-то недорослик из Средиземья льнёт!

Хоббит подошёл к обустройству моего жилища со свойственными ему серьёзностью и активностью. Бабушкина хрущевка была тщательно измерена, составлен точный план, разбит на прямоугольники, каждый из которых отвечал за важные сферы в судьбе обитателей.

Все выходные пришлось горбатиться, чтобы убогая квартирка хоть мало-мальски соответствовала придирчивым требованиям мастера. Во-первых, были явлены свету многолетние залежи бумаг и завалы старья. Затем выброшены на помойку шесть огромных мешков с ненужными вещами. Думаете, у вас меньше? Я тоже так думала, пока в мой дом не ворвался воинствующий Хоббит.

Из дома были вынесены сломанные, но ещё пригодные стулья, ветхие половики, вся вышедшая из моды одежда. Избавленная от хлама и тщательно промытая крохотная однушка стала казаться просторнее и выше.

– Это очень хорошо, что у вас всего одна комната – фэн-шуй быстрее заработает! – приговаривал Хоббит, развешивая купленные в переходе талисманы. – Чувствуете, Леночка, как воздух стал свободно циркулировать?

От моего низкорослого, но обаятельного друга я узнала, что всё в мире построено на взаимодействии стихий. И есть стихии дружественные, нейтральные и враждебные. Дерево питает огонь, из огня получается земля (пепел), в земле таится металл, из металла можно выделить воду, вода питает дерево – круг замкнулся. Чтобы в доме поселилось счастье, интерьер должен быть максимально приближен к этой схеме, чтобы не нарушать гармонии.

Теперь в комнате помещались три совершенно безумных натюрморта, призванных впустить в мою пропащую жизнь деньги, любовь и приключения. На подоконнике, шкафу и журнальном столике располагались хороводы из предметов, символизирующих стихии: огонь, земля, металл, вода, дерево. Друг за другом по кругу шли свечи, затем керамические кружки, к ним примыкали металлические ложки, стек-

лянный стакан с водой. Деревянные брусочки, позаимствованные в школьной столярке, замыкали круг, утыкаясь в оплавленные свечи.

Догоревшие до основания огарки несколько раз сменились на новые свечки. Я теперь почти каждый вечер попеременно зажигала в моих «магических кругах» живой огонёк. Смотрела на него и мечтала о любви и достатке, о далёких неведомых странах и зелёных загадочных островах.

Заканчивался учебный год, впереди замаячила призрачная перспектива каникул, непременно обгаженных ремонтом класса, который в нашей школе возлагался на безотказные учительские плечи.

Если вы педагог и женщина,
Сколько дней вас тяжёлых ждёт:
Менструация – ежемесячно,
Аттестация – круглый год!
(Ольга Такмакова)

Шёл четвёртый час извращённой пытки под названием педсовет. Повестка подобных сборищ известна всем несчастным узникам бастилии заранее. Сначала нас с чем-нибудь поздравят елейными ненатуральными голосами. Потом будут медленно, но верно давить, пока кто-то не взорвётся. Начнётся перепалка. После того как все переругаются и когда уже не останется больше ни сил, ни эмоций, нам объявят об очередном разрушительном новшестве в системе образования.

И на этот раз всё шло по плану: сначала нас поздравили с завершением учебного года, затем стали подводить итоги – досталось всем! Затем сообщили о новых правилах заполнения бумажек, ужесточении ведения экзаменов (не кашлять, не оглядываться, не ходить в туалет в течение пяти часов). А на закуску сообщили о повышении зарплат, но предупредили, чтобы сильно не радовались, так как в реальных деньгах мы его не увидим.

Все наши всегда очень боялись этого очередного повышения зарплат. После каждого такого облагодетельствования, когда на всю страну усердно трубили о том, что учителям снова повысили зарплату, раздражая тем издерганное население, реальные учительские доходы неизменно уменьшались за счёт снижения доплат за проверку тетрадей, классное руководство и прочих лазеек, о которых, конечно, никто в прессе не распространялся. Каждое такое повышение-унижение предваряло личное посещение педсовета замзава районного отдела образования «анамсиРОНО», лоснящегося и по-свински кругломордого товарища Е. Е. Самосвалова (бывшего военрука нашей же школы):

«Коллеги, формально мы можем
влиять на внештатную
переходную ситуацию
финансирования
надтарифно-
го фонда
только исходя из сумм
сложения протарифицированного
и на фиксированную сумму штатного
тарифа и реально проплаченных процентов
бюджетной экономии не аттестованных офици-
альными документами вычетов для провер-
ки ревизионной комиссией своевременно
погашенных текущих поквартальных
задолженностей. Мы можем влиять
на надтарифный фонд только
исходя из суммы сложения
снижения тарифной
и экономической
оптимизации.
Поэтому-то
мы ж тут
ни при
чём,
да
!

Из строгой речи замзава «анамсиРОНО» никто из слушателей не понял ни слова, но всем стало абсолютно ясно, что очередная обдираловка нищенских учительских кошельков неминуема и жаловаться опять некому.

День педсовета традиционно считался потерянным из жизни. Но не сегодня. Мы сидели с Хоббитом на «камчатке», и он рисовал мне красивые и подробные схемы – как пройти к волшебным лавкам с товарами и литературой по магии фэн-шуй.

3. БРАКОВАННОЕ АГЕНТСТВО

Даже если вам немного за тридцать,
есть возможность выйти замуж за принца...
(Из песни Верки Сердючки)

— Представляешь, сегодня от твоего Месье месса́ж пришёл, а я портабль в «Рено» у люквера на паркинге забыла. И фикс вообще отключила – слишком большие фактуры в этом месяце.

Это означало, что от моего жениха пришло сообщение, но Лолка забыла мобильник в машине, когда пошла в магазин, а домашний телефон отключила, потому что слишком много набежало повременной платы. Понимать её становилось всё труднее и труднее. В речь вплетались новые французские слова, и фразы приобретали чуть слышный грассирующий акцент:

– А твой-то такой жанти́! Такой жанти́[4]! Лапочка! Он хоть и пожилой, но я бы с таким ей-ей не отказалась!

– И сколько ему?!

– Вообще-то, шестьдесят два, но ты не бзди, мон ами! Выглядит он так, как русские мужики в сорок с маленьким хвостиком. Кстати, с хвостиком у него тоже всё в порядке. Это тебе не наши алкаши-импотенты.

– А ты откуда знаешь? – насторожилась я.

– Его младшему сыну всего пять лет! И жена развод не даёт. Так что тебя по-любому выпустят. Официально он пока женат. Слышь, как повезло-то тебе! На этой неделе жди перевод по «Вестерн-Юнион» – две тыш-ши евро. Вызов тебе уже идёт по скоростной почте!

– Лолка!!! Он же на тридцать лет старше меня!!!

– Ничего. Зато его бывшая мадам младше тебя на четыре года. Старый конь борозды не испортит, хотя, конечно, и глубоко не вспашет...

– А вдруг я ему не понравлюсь? Я такая толстая! Ни одеть, ни обуть!

– Понравишься. Ты ещё ихних баб не видала. Скоро узнаешь, что ты – мисс Вселенная! А пока загранпаспорт оформишь, килограмм десять с тебя как не фиг делать слетит, не заметишь. Как только деньги получишь – пулей в ментовку, оформляй паспортину по самой горячей сетке, как можно быстрее. Денег не жалей. Месье пылает от любви, если надо – ещё вышлет. Сёдня заглянула к нему в спальню, а там на его подушке – твоя фотка!!!

– И часто ты к нему в спальню заглядываешь?

– Ага! Ревнуешь?! Заработало!!!

Разговоры с Францией теперь происходили чуть ли не каждый час, если Лолка долго не звонила, у меня начиналась тихая паника. Какая она всё-таки умница! Подруга руководила и направляла каждый мой шаг. Подсказывала и давала неоценимые советы. Если бы ещё обходилась без мата... Хотя куда же без него?

– Лол, если даже всё наилучшим образом получится, то как же я бабушку одну оставлю?! Она же беспомощная, старенькая совсем. Всё на мне.

– А что, к ней визитёры разве не ходят? – искренне удивилась Лолка, словно впав в беспамятство, изображая из себя коренную европейскую мадам, будто она вовсе не в курсе наших отечественных реалий.

Я знала, что визитёры – это работники французских социальных служб по уходу за престарелыми. Может, подобные особи на территории России где-то и водятся, только мало кому посчастливилось их видеть. Тут вам не Франция, где на каждого старика по нескольку визитёров в день. И это говорит мне Лолка – девушка, выросшая в семье, где у одной стены стояла кровать с парализованной прабабушкой, а у другой стены на ободранном топчане доживал свой век дедушка в маразме. Как дала бы этой Лолке по башке, чтоб не выпендривалась!

– Лолик, как же я с Месье общаться-то буду? Я ж в школе английский учила-учила, да так и не выучила.

– Ничего, в Нормандии добрая половина населения англичане, и вообще на английском говорят все, а уж он – тем более. Я, когда во Францию приехала, кроме привет-пока и эпохальной фразы Кисы Воробьянинова «Месьё-о! Жё нё манж па си жур!», ни слова не знала. Так мы с моим дебилом Луи друг другу сердечки на салфетках рисовали – это не помешало мне выйти за него замуж.

– Может, мне самоучитель купить, аудиоуроки включать?

– Давай, конечно, только это бесполезно. Французский по сложности на первом месте в мире.

– Сложней английского?

– Аглицкий ему и в подмётки не годится! В инглише хоть слова возможно отделить друг от друга...

Я постоянно находилась в приподнято-возбуждённом состоянии, граничащем с безумием. Первый раз в жизни решилась заявиться в кабинет к директрисе Раисе с беспрецедентно-наглым заявлением, что в свой отпуск я намерена предательски-подло ехать отдыхать, а не клеить до изнеможения обои в кабинете музыки.

Каждое лето я меняла эти проклятые обои, которые уже в октябре от холода падали на пол, печально шелестя. И это несмотря на любые суперкрепкие клеи. Зимой в классе доходило до девяти градусов, дети сидели в шубах, шапках, варежках и с красными носами. Зато бывало удивительно тихо и спокойно. Директриса Раиса, опасаясь родительских жалоб, в порядке исключения разрешала ученикам заниматься в моём кабинете в верхней одежде. Ребята, пригревшись, впадали в «зимнюю спячку», а я нарочно включала убаюкивающую мелодию... Просто счастье какое-то!

Иногда меня охватывала паника и сомнения изматывали душу:

– Лолочка, а вдруг мне с этим Месье придётся вместе век доживать?! Как он хоть выглядит-то? Ну, какой он? Опиши...

– Он миллионер, дура, и какая разница, как он выглядит!!! Ладно, фотки вышлю по Интернету. Зайдёшь в кабинет информатики, если чо, информатичка тебе поможет. Но ты, когда его увидишь, то сильно в обморок не падай. Да – лысый. Да – старый. Но от него такая энергетика прёт! И запах миллионов! Вообще, настоящая мужская красота так глубоко запрятана, что её можно только в морге при вскрытии обнаружить. Вот представь, вскрывает патологоанатом черепную коробку, а там такие мозги!!!

– Какое-то кровавое сравнение...

– Ты ещё своего Месье не видела. Смотрела «Молчание ягнят»? Вылитый доктор Лектор.

– ...

– Чо молчишь? Возбудилась?..

Когда я, еле сдерживая жестокий нервный колотун, ждала загрузки фотографии, то ещё надеялась на то, что Лолка пошутила в своей неподражаемой резкой манере. Но на меня глядел коричневый от загара, моложавый и поджарый «Энтони Хопкинс».

Письмо на французском голосило о любви, о желании скорейшей встречи, о мечтах и радужных перспективах. Внизу была подпись, но вместо «твой любящий, с тысячью поцелуями Ганнибал Лектор» стояло «твой любящий, с тысячью поцелуями Франсуа Буйе». Замаскировался, людоед!

Ладно, если даже съест меня, бедную овечку, зато во Франции! И пусть только хоть что-нибудь сдвинется с места в моей пустой жизни, хоть что-нибудь наконец произойдёт!..

Догадываясь, что я ломаю голову над подарком к её дню рождения, Лолка строго предупредила:

– Смотри, золото мне не покупай! Здесь оно более высокой пробы, совсем другого оттенка – светло-жёлтое. Наши отечественные безделушки по сравнению с европейскими сильно красным отдают. Когда сюда приехала, у меня многие интересовались, почему я ношу украшения из меди?

По совету любимого Хоббита я приготовила имениннице то, чего во Франции, по-моему мнению, точно не было – накупила книг по фэн-шуй. Это ей точно понравится, ведь подруга так любит всё кардинально менять.

Но непредупреждённая Лолкина бабушка, зная о пристрастиях внучки, купила целый золотой комплект: цепь с кулоном, дутый браслет, два колечка. Чтобы не огорчать старушку, пришлось мне везти всю эту красоту через границу, напялив на себя, как «в лесу родилась ёлочка», чтобы не заполнять никаких деклараций.

– Так, теперь слушай внимательно историю вашего знакомства. Не вздумай ляпнуть, что едешь к жениху и не отрицаешь возможности остаться во Франции! Говори, что любишь Родину, а главное – обожаешь свою работу, жизни без неё не представляешь! Решающая и наиглавнейшая бумажка в консульстве – справка с работы, что ты работаешь там-то и там-то и не уволена. Говори, что изучаешь

французскую культуру – едешь на ознакомительную экскурсию. С Месье познакомилась случайно, через соседей (то есть через меня). Потом вы долго переписывались на почве взаимных историко-географических интересов...

– Что за чушь?!

– Ты слушай, чего говорю! Они верят в любую удобную чушь. Тут всё годится, кроме правды. Главное, выучи все данные Месье: телефон, факс, адрес, как выглядит, когда день рождения. А ещё лучше скажи, что у тебя в России жених и ты его безумно любишь. Короче, ври всё, чтобы они даже не заподозрили, что ты можешь здесь остаться...

– А я что, разве могу остаться?..

– Ну, это в лучшем случае. Ты заказала рандеву в консульстве? Без назначенного времени визу не дадут. Кстати, звонок в посольство стоит примерно рублей восемьсот. Все страховки купишь у барыг в очереди. К воротам приходи первая. Не жди, пока метро откроют. Заказывай такси на полпятого утра, чтоб в очереди первая была, а то растопчут...

– Лола, а как же те, кому всего этого не сказали?

– Это уж как повезёт. Многие назад домой повернут. Самое главное – вырваться!

– Лол, я целыми днями с бумагами бегаю, некогда даже купить себе чего-нибудь новенького из одежды. Надо ведь как-то выглядеть, а я себе, извините, даже забыла, когда трусы покупала.

– Ты только не вздумай наряжаться! Тут все в люди ходят так, как мы на картошку ездим. Я вечернее платье из России привезла – до сих пор висит, не надёвано. Тебе главное – сюда попасть, тут уж мы Месье раскрутим по полной. А трусы тебе, солнце моё, очень на это надеюсь, вообще не понадобятся...

По Лолкиному совету я обратилась в брачное агентство «Ламбада», там мне предстояло выпросить «Памятку для выезжающих во Францию» с заветными телефонами визового отдела и ещё множеством нужных сведений. Ушлая Лолка строго предупредила, чтобы я в агентстве врала что угодно про путешествующих родственников, только ни в коем случае не раскалывалась, что еду к мужику по приглашению: «Если сдуру сбрякаешь – уж они тогда «обуют» и тебя, и Месье на кругленькую сумму! А что поделаешь, это их профессия».

В «Ламбаде» я состояла уже несколько абсолютно бескрылых лет. Видимо, я была сразу же признана хронически бесперспективной. Хотя, когда у меня брали деньги, были чрезвычайно любезны, вселили надежду, и даже сама хозяйка мне ослепительно улыбалась. На следующий же день о моём существовании крепко-накрепко забыли, а когда я робко пробовала позвонить, то мне грубо и безапелляционно дали понять, что такая корова, как я, не нужна никому на всём белом свете.

На моё счастье, в офисе не было никого из тех, кто зачислял меня в соискательницы элитных женихов, видимо, все они, умело пользуясь остапобендеровскими способами отъёма денег у населения, повыходили замуж более чем удачно и в данный момент, сняв белые штаны, нежились на райских пляжах Рио-де-Жанейро.

И всё же одна из наследниц Великого Комбинатора случайно задержалась и теперь стучала по клавиатуре, одновременно разговаривая по телефону. Клиентка на другом конце провода наверняка ещё не успела оплатить услуги агентства, поэтому с ней разговаривали медоточивым ангельским голоском. В каждом слове слышался незаретушированный подтекст, что теперь серая бытность «счастливицы» расцветится всеми цветами радуги. Отныне жизнь станет похожа на сказку, полную захватывающих приключений и бесконечных головокружительных романов – то есть всем тем, что было обещано и мне, когда «ламбандитки» обдирали меня на «символическую» сумму, равную моей зарплате.

Данная служительница «фабрики грёз» представляла собой банально-собирательный образ секретарши: юбка бесстыже короткая (до сики, как моя бабушка выражается), бюст напоказ, ногти нарощенные, да и ресницы, похоже, тоже...

Увидев меня, «секретарша» растянула губы в приторно-сладчайшей улыбке, но, узнав, что я не очередная жертва, пришедшая в поисках, кому бы побыстрее отдать деньги за возможность помечтать о принце, произвела молниеносный допрос. Кто я? Зачем пришла? Для каких целей мне понадобилась «Памятка для выезжающих»? Я волновалась. Путалась в показаниях... И, похоже, была полностью проз-

рачна, как начинающий воришка, робко пытающийся надуть тёртого урку. Она, конечно, вычислила меня на первой же фразе. Но удивительно, не стала даже пытаться выводить на чистую воду. Смотрела пронзительно, понимая всё и видя неуклюжий обман. Словно приняв условия игры, выдала мне не только вожделенный буклет, но и схему, «как пройти в Москве к посольству Франции». Эх, рыбак рыбака... И вдруг совершенно неожиданно и резко пригвоздила:

– И где только вы их находите?! Тут сидишь целыми днями, из Интернета не вылезаешь. Два полка переберёшь и всё отстой – пустая порода. Я тут намедни статистику выудила – так у меня волосы дыбом встали, причём на всех местах. Во Франции на одну потенциальную невесту – восемь женихов, в Англии – пять, а в нашей деревне Гадюкино на тринадцать баб – один замухрышка. О качестве я вообще молчу! У нас что ни девушка, то красавица, обеспеченная, с образованием. А мужик какой? Безработный пэтэушник на инвалидности и, как минимум, хронический алкоголик. И это в лучшем случае. И где только нормальных мужиков вылавливают?! Места, што ль, рыбные знаете?!

Забыв о конспирации, я начала что-то мямлить про подругу и её соседа... «Ламбандитка» равнодушно пропустила мой рассказ мимо ушей, будто и не спрашивала у меня ничего вовсе. Устало глядя поверх моей головы, она дарила мне опасный и бесценный опыт, стёрший с её лица последнюю молодую свежесть:

– Всё правильно. Чего тут ловить? Только сильно варежку не разевай. Они там сейчас тоже ушлые стали. Им русскую девку дешевле из России выписать, чем свою местную проститутку оплатить. Это они только с виду холёные. Среди русских мужиков я хороших любовников не встречала, тем более мужей. Тупые потребители. С импортными не сравнить. Бабы русские сами виноваты – всё на себе тащат от нехватки. Хотя, знаешь, за француза не ходи. У них постель и жизнь – две большие разницы. В сексе он нежный умелец, а в жизни злой, жадный, и не поверишь, что это один и тот же человек. У меня подруга в международном аэропорту в киоске работает, говорит, хуже французов покупателей нет. Как французский рейс – хоть товар прячь. Всё перероют, перекопают, обгадят и ничего в результате не возьмут. Скряги картавые! Самые щедрые ухажёры – итальянцы, только их страсть очень быстро заканчивается. А с немцем или англичанином сама с тоски вздёрнешься.

Сомнений не было – передо мной знающая коллекционерка, и мне, полному дилетанту в столь пикантном вопросе, конечно, стало интересно:

– Знаете, я бы с удовольствием с американцем познакомилась, мне кажется, они такие открытые.

– С американцем? Ты в своём уме? Мужик там, конечно, дрессированный, феминизмом пуганный, только чего мы там, в Америке, не видали-то?! Такой же беспредел, только круче.

– Ещё у меня мечта с детства – хочу в Иерусалиме побывать, а у евреев – самые крепкие семьи...

– Арабский мир и близлежащие территории сразу отпадают. Или, может, ты мазохистка?!

Я поняла, что это тупик и выбора нет! Хотя оставались ещё неизведанные «секретаршей» территории чёрной Африки. И, чтобы сохранить надежду, что есть ещё на земле порядочные мужчины, про японцев и аборигенов Австралии спрашивать я уже опасалась.

Весь следующий день я провела в банке, похожем на секретный бункер фюрера. Сначала получала деньги, отстояв три очереди и заполнив квитанции о международном переводе латинскими буквами. Затем в обратной последовательности перевела часть денег, предназначенных на билеты до Парижа и обратно, на имя бандюгана Дрюлика.

Дело в том, что заказанные Лолкой билеты не по грабительским ценам, которые предлагают в наших авиакассах, а по щадящим – через Интернет, нужно было оплатить раньше, чем я окажусь в Москве. В столице у меня было только два знакомых человека – это бывший одноклассник, а ныне криминальный авторитет Дрюлик и товарищ по музыкалке, рафинированная поп-звезда мелкого калибра Костя. Проще было бы обратиться к Костику, но расписание его жизни предполагало бодрствование лишь в ночные часы, поэтому пришлось договариваться с «братвой».

Вскоре я об этом не раз пожалела, но другого выхода всё равно не было. Деньги не сгинули бесследно в пучине криминальных разборок. Вовсе нет. Билеты были выкуплены в срок, но мне пришлось, дрожа и сгорая от стыда, неоднократно выслушивать мрачные тирады моего брутального однокашника о том, как «круто он всех построил и раздолбал в их сраном агентстве». Пообещав на прощание обязательно «обращаться елиф чо», я дала себе зарок ни под каким видом больше не связываться со столичным криминалом.

К вечеру после беготни по бюрократическим кабинетам я едва волочила ноги. Нормальная еда и сон были забыты как пережитки прошлого. Фигура моя таяла на глазах. Как и пророчила Лолка, я сильно похудела, вся одежда на мне болталась, движения приобрели угловатую подростковую грацию, а в глазах пылал безумный яростный огонь.

Рухнув на диван, я была тут же поднята бесцеремонным звонком в дверь. На пороге стояла самая вреднющая из всех соседок в мире – баба Зельда. Пацаны во дворе называли её «хулиганский патруль» из-за привычки преграждать путь каждому человеку, входящему в наш подъезд. Непрошеный гость обязан был откровенно отчитаться перед Зельдой, куда он идёт, к кому и зачем.

С неистребимым любопытством, граничащим с ненавистью, Зельда многозначительно протянула мне большой пакет, испещрённый иностранными надписями и заклеенный разноцветными марками.

– Вот десять раз приносили, а тебя всё носит где-то. Велели лично в руки передать. Пришлось расписываться за тебя в куче документов. Чево это?! За чево я подписалась из-за тебя?!

– Да это так, ничего особенного. Журнал прислали заграничный. По музыке. Это для школы.

– А-аа... – разочарованно протянула бдительная блюстительница правопорядка. И я почувствовала, что стала досадной помехой на пути подробного, виртуозно сочинённого доноса в компетентные органы.

Да, вскрыть послание баба Зельда не рискнула, хотя я могу себе представить её конвульсивные муки. Мне даже после значительных усилий разорвать пластиковый конверт не удалось. Таинственный пакет подчинился лишь острым ножницам.

Мой любезный Месье прислал мне увесистый альбом с репродукциями «Импрессионисты Нормандии». На первой странице красивым размашистым почерком было написано по-английски понятное всем без перевода: «My dear Elena, I love you! Many kisses...» Но погрузиться в созерцание бессмертных творений импрессионистов Нормандии мне не позволил поздний телефонный звонок:

– Привьет, Русья! Се Сибири́? Мадам Элина́?! Я тэбья лублу! Я тэбья ошнь, ошнь жьду!

4. КОСТИК И СТОЛИЧНЫЙ ШОУ-БИЗНЕС

Неужели из-за масти
мне не видеть в жизни счастья?..
(Песня из мультфильма «Голубой щенок»)

Чем талантливее человек, тем больше у него проблем в сексе, потому что сексуальная и творческая энергия исходят из одного источника. Чем удачнее одна из этих сфер, тем вычурнее и ущербнее вторая...
(Андрюша, самый высокооплачиваемый колдун нашего города)

С Костиком мы долгое время были близкими... но не друзьями, а скорее подругами. Основной из трагических оплошностей Костика было то, что он нисколько не скрывал своей принадлежности к сексуальному меньшинству. Осознание и поразительно упорная бравада этим качеством окончательно оформились к концу девятого класса. Поэтому несчастному «меньшевику» пришлось испытать на себе все «прелести» школьной гомофобии. Над ним нещадно издевались, могли открыто и безбоязненно оскорбить даже посреди урока. Парни его методично били и лишь на восьмое марта дарили цветы. Потом связываться с Костиком стало «западло», и к концу школы от него отстали и презирали молча. Лишь безбашенные семиклашки самозабвенно дразнили его всей толпой.

В музыкальном училище стало, конечно, несравнимо легче. Но дурная слава шла за

Костиком по пятам и настигала его на любом месте работы. Это только по телевизору или глядя на эстраду кажется, что мы живём в просвещённую эпоху демократии и все вольны жить как им вздумается. Но из суровой патриархальной провинции такие «белые вороны» вынуждены спасаться бегством.

Благодаря чуду Костик не озлобился на весь мир, а остался таким же удивительно открытым и общительным, каким создала его природа. Сочетание музыкальной одарённости, необыкновенно чистого голоса и невообразимой наглости позволило ему в рекордно короткие сроки прочно обосноваться в столице. Удачная карьера певца ночных клубов и ресторанов его, правда, мало устраивала, и он с настойчивостью заводного дятла рвался на большую эстраду.

Однажды в порыве отчаяния Костик позвонил в приёмную президента и попросил обратить внимание на свой несомненный талант. И тут ему покатило! Костика пригласили на певческий конкурс, который он с блеском выиграл и приобрёл пожизненный титул «Хрустальный голос Москвы».

После этого Костик смело шёл к любому спонсору и продюсеру и в конце концов попал-таки в нужную струю. Он так и потерялся бы из обыденной действительности, навеки перебравшись в родную среду голубого экрана, но отличная память не позволяла ему так запросто выбросить меня из жизни. Он помнил, что я была единственным на свете человеком, искренне его любившим, уважающим его талант, когда все остальные готовы были смешать «урода» с землёй. А может, Костик держал меня про запас, авось пригожусь? Но, так или иначе, мы поддерживали тесное дружеское общение, происходившее последние годы преимущественно по телефону. Я была в курсе интриг, романов, разнообразных обид моего друга и даже его навязчивого страха заразиться СПИДом.

Московский район, в котором проживал Костик, отличался удручающим однообразием серых свечек-многоэтажек и чем-то напоминал спальные окраины нашей общей малой родины. Нужную остановку я узнавала лишь по кричащей надписи на гараже «КАПИТАЛИЗЬМ – ДЕРМО!», намалёванной каким-то агрессивно настроенным и малограмотным поборником диктатуры пролетариата. Мне предстояло провести неопределённое количество дней у Костика на съёмной квартире в ожидании решения вопроса с визой.

В единственной, но довольно просторной комнате царил невообразимый перманентный бардак. Все горизонтальные поверхности были обильно усеяны записными книжками, косметикой, дисками, визитками, сувенирами и плакатами с изображениями небесной Костиковой красоты во всех ракурсах. Трогать и менять вещи местами мне было категорически запрещено, так как, по мнению хозяина, всё лежало на своих местах. Это при том, что Костик с детства отличался педантичной аккуратностью. Об этом удивительном обстоятельстве напоминали лишь красиво развешанные по стенам концертные костюмы и поставленная рядком у стены вычищенная обувь.

Вскоре я поняла, что это не произошедшие в друге безалаберные перемены, а сам дикий образ жизни не позволяет даже подумать о том, чтобы потратить несколько драгоценных минут на бесполезную уборку. Между гастролями и концертами Костик умудрился оставить за собой работу в ночных клубах. И теперь без устали «стриг бабло, пока пипл хавает».

Мы сидели на полу посреди всего этого безобразия, больше сидеть было не на чем, пили шампанское из горла – за встречу. Костик рассказывал, что помаленьку сколачивает свой коллектив музыкантов, скоро возьмёт обслуживающий персонал и встанет во главе небольшого коллектива. Ещё о том, что бьётся над записью диска, но от композитора не в восторге, хотя это известная распиаренная фамилия. А главное, ищет продюсера для сольной карьеры на большой сцене, и о сволочном тандеме раскрученного Свистуса с полюбовником, которые ставят ему палки в колёса из зависти. Про коварного депутата-толстосума Мишу, готового пожертвовать деньги на раскрутку молодого дарования только в обмен на интимные услуги.

Выслушав незамысловатый рассказ о женихе-французе, Костик почему-то яростно воспротивился моей решимости перебраться на жительство в Европу:

– Ты что, Ленк, серьёзно?! Ну, погулять там, свет поглядеть, себя показать. А вообще нав-

сегда?.. Чего там делать-то собралась? Окстись, коровушка! Настоящая жизнь она туточки – ин Москоу! Так что сиди на попе ровно, не дёргайся.

– Ой, молчи, Костик, мне самой так страшно, аж душа навыворот!

Приканчивая вторую бутылку шипучего французского изобретения российского производства, Костик ударился в воспоминания, отчасти объяснившие мне его неприязнь к загранице:

– Помню, когда ещё в Барнеаполе на подиуме манекенщиком подрабатывал. Молодой, лет в шестнадцать. То надо было выйти на сцену и американскую фирму за спонсорские бабосы поблагодарить. А я ж всю жизнь немецкий учил, да и то как нам преподавали-то... – через пень-колоду. Выхожу – волнуюсь жутко. Протягиваю букет бабе американосовой и вдруг вместо «Феньк-ю» говорю «Фак-ю!» прямо в микрофон. Видать, фильмов американских обсмотрелся... У бабы глаза по восемь долларов! На морде и ужас, и восторг одновременно. В зале смех истерический. Я с тех пор комплексую перед иностранцами...

– М-да-а... Ну, ты даёшь, Константин! Знаешь, сыр такой есть, «Советский парафин» называется? То есть подразумевается – позорище ты моё.

– А вот касательно французов, то про них мало что знаю, но, судя по репертуару в моём клубе, с рэпом у них совсем беда. Даже чёткий ритм не может разделить слов. Это так смешно звучит. На фоне ударов – одно бесконечно зажеван-н-ное слово... Хотя был у меня один Жан-Польчик... Кудрявенький такой... А ничего не получилось. Ты же знаешь, как я инфекции опасаюсь.

На широком барском матраце, лежащем на полу, решено было спать по сменам. Костик уходил на свою ночную работу часам к десяти вечера, и я укладывалась спать после целого дня беготни по столице. Утром, часам к восьми, Костика привозило такси. Он устало вваливался в квартиру, увешанный костюмами и сумками с дармовыми трофейными деликатесами, доставшимися после банкетов и вечеринок. И я должна была освободить ложе. Виделись мы мельком, лишь рано утром в полусне и вечером впопыхах, когда Костик метался между телефонными звонками и подготовкой к ночному шоу.

Рано утром меня разбудил звонок: «Наверное, Костик ключ забыл?» Со сна, не заботясь о безопасности, я открыла дверь и остолбенела. В дверь ввалился бледный и всклокоченный, но всё же не потерявший узнаваемости скандально-популярный эстрадный «звездун» Стас Пеньков с соответствующей кличкой «Пенёк», но активно внедряющий через СМИ другой творческий псевдоним – «Герцог Лучезарный»:

– Ты кто? Костя где?

– А? А-аа... он...

– Чё тормозишь, как из Московской области?!

– Костя сейчас придёт. Он на работе. Скоро будет, наверное...

– Слышь, подруга, у тебя часом подлечиться нечем? А то тут, короче, неважная тема. Их бин больной. Совсем. Притащился вот к вам на конец географии. Уважь по дружбе. Исключительно ради жизни на земле. Слышь?

Лучезарный Герцог Пенёк от меня явно чего-то добивался, а я никак не могла взять в толк, что ему было нужно. На моё счастье, на лестнице зашуршали концертные туалеты и в коридоре выросла пушистая ёлочка из пакетов с лицом Костика. Хозяина утреннее посещение коронованной особы поп-музыки явно не обрадовало:

– Что за пипец с утра пораньше? Что Дитэр опять Болен?

– Косточка моя! Ну где же ты, где, звёздочка ясная? Вам наш респект и уважуха! Тут, понимаешь ли, такие дела, короче... выручай подлеца в предпоследний раз...

– Любой каприз за ваши деньги. Только припомни, кто-то мне грозился оторвать орган обаяния. Уж не вы ли?! Ленка, чего стоишь? Иди отсюда! Нечего тебе слушать, маленькая ещё.

– Котик, ты чего? Какой орган? Когда?!

– Вот она, значит, земля-то круглая оказалась. А ну, пошёл!!!

Бесцеремонно вытолкав за дверь кумира миллионов, Костик мрачно ворчал: «Кидалово. Кидалово кругом...» В его статной высокой фигуре вдруг явно стало проглядывать нечто стариковское. Устало ссутулившись, он как заторможенный развешивал костюмы, раскладывал еду на полочки в холодильнике. Потом долго плескался в ванной. Но как только

Костик рухнул на вожделенный матрац, за окном во всю мощь прогресса урбанизации взревела соседняя стройка. Затрещали отбойные молотки. Затрясли мироздание гигантские адские машины, вбивающие сваи в недра земли. Завизжали истеричные тормоза. Самозабвенно заматерились прорабы... В столице нашей Родины городе-герое Москве начинался новый трудовой день. Неумолимо ширились и росли кварталы в предвкушении неминуемого заселения новыми поколениями искателей счастья и приключений.

Вдруг обычно уравновешенный Костик подскочил как ужаленный и, завернувшись в простыню, словно в индийское сари, выскочил на балкон:

– Козлы-ы! Деби-илы! Чтоб у вас кайло отвалилось!

Но его высокоартистичные ругательства слились с индустриальным шумом и растворились в разноголосом хоре праздника труда и созидания. И тогда, раскинув руки, не в силах выплеснуть весь поток ярости на провинившийся город, Костик вдруг запел невероятно красивым сильным голосом: «Да, я – шут, я – циркач, так что же...» Всё смолкло. Над бескрайним строительным морем во внезапно оглохшей тишине был слышен только его чудесный густой голос. Покорившись перед дерзким талантом из провинции, Москва пристыженно замолкла и дослушала арию мистера Икса до конца...

Я выронила помаду и застыла от изумления и восторга. Успокоенный и совершенно прежний Костик повернулся ко мне и, как древний философ, завёрнутый в своё древнее философское одеяние, вещал:

– Вот мне, Ленка, как ни дёргайся, как ни ерепенься, а придётся под Мишу-депутата ложиться, а это всё равно что под паровоз. А ты, коровушка моя, какого-то французского дедушки испугалась. Он и мелкий-то, поди, как все французы? Фигня-война, главное – манёвры. Представь, что это твоя работа, и всё! Преподаватель музыки, ты как к своим служебным обязанностям относишься? Вот и давай старательно, прилежно, скрупулёзно – не для забавы, а исключительно за деньги. Ничего, выживем...

5. ОЧЕРЕДЬ ЗА СЧАСТЬЕМ

Царь: Энто как же, вашу мать,
Извиняюсь, понимать?
Мы ж не Хранция какая,
Чтобы смуту подымать!
(Леонид Филатов
«Про Федота-стрельца, удалого молодца»)

Тюменская область похожа размером на Францию.
Больше на Францию она ничем не похожа...
(Типа анекдот)

Чётко следуя всем Лолкиным инструкциям, я примчалась к консульству затемно. До открытия тяжёлых дубовых дверей было ещё несколько часов, но, несмотря на это, в очереди я была уже четвёртой. В течение десяти минут очередь удвоилась, затем стала быстро расти и вскоре напоминала взбудораженную колонну первомайской демонстрации в славные доперестроечные годы. Вдоль очереди как из-под земли выросли столы, за которыми сидели всезнающие коммерсантки, торгующие медицинскими страховками, без которых входить в дубовую дверь не рекомендовалось. За отдельную плату ими заполнялись замысловатые анкеты. Тут же шныряли агенты транспортных компаний с веерами из рекламных проспектов.

Время побежало быстрее. И по мере приближения заветного часа открытия дубовых дверей очередь становилась всё оживлённее. Людская река забурлила, вспенилась, заволновалась. От стресса, голода и многочасового неподвижного ожидания люди кинулись нервно общаться, рассказывать свои истории, давать друг другу бесконечные советы:

– Тут надо знать, что и как сказать. А то откажут в визе. Они ж ничего не объясняют. Всё спросят: и кто приглашает, и зачем, и какие отношения.

– Почему такой допрос с пристрастием?

– Странный вопрос. Да потому что бегство русских невест за границу приобрело масштабы государственного бедствия!

– По телевидению запугивают документальными триллерами про маньяков-иностранцев, что, мол, женятся на русских, чтобы всю жизнь потом издеваться. Только бесполезно –

пуганые уже. Как будто свои не так! Там хоть с голоду издохнуть не дадут.

Когда до штурма неприступной крепости оставались считаные минуты, все возбудились ещё больше и были объяты выяснением одного всеобщего вопроса: «На какое время у вас назначено?» Рандеву начинались с 8.00, а моё время было 8.05. Я, не предчувствуя беды, назвала своё время. И тут выяснилось, что у огромного числа людей время на 8.00. Точь-в-точь, как бывает во всех поликлиниках, переполненных озлобленными больными, жаждущими немедленного излечения.

Я была нещадно отброшена от заветной цели на несколько часов барахтанья в потном людском месиве. Из жерла выныривал надменно-бесчувственный человекоподобный робот и, не замечая никаких криков, разборок и назревающих драк, запускал в счастливую жизнь строго по одному человеку.

Тем временем кипящая река решила выбросить такую мелкую щепку, как я, на грязный загаженный берег, оставив без единой надежды достигнуть океана. Теперь у всех в этой бесконечной очереди время оказалось назначено ровно на 8.00!

Положение становилось безвыходным. Консульство принимало страждущих только несколько часов. Тем, кто не укладывался, предстояло повторить всю процедуру штурма заново на следующий день, а таким образом я могла не попасть на самолёт. От ужаса, что все усилия могут пропасть даром, у меня ослабли ноги и похолодело внутри.

Во мне будто включился спящий доселе неведомый механизм, и я молча, с решимостью крошечного буксира, тянущего за собой громоздкую баржу, попёрла против течения.

Я помню перекошенные злобой лица, захлёстывающие волны ненависти и тычки со всех сторон рвущихся в дубовые двери агрессивных монстров. Эта жуткая картина даже сейчас, спустя много лет, стоит перед моими глазами. Я не помню персонажей, но то состояние опасности, обиды и торжества несправедливости навсегда что-то изменили в моём отношении к человеческой природе отнюдь не в лучшую сторону.

Но я должна была противостоять и во что бы то ни стало вынести всё это. Безысходность подсказала единственно правильную манеру поведения.

– Пропустите. Мне назначено. У меня на восемь ноль-ноль, – как заведенная монотонно твердила я, пробиваясь к райским вратам.

– У тебя же на восемь ноль пять!!! – орали вокруг. Но я усиленно делала вид, что ничего не слышу и не замечаю.

И вот когда вожделенная дверь была уже почти передо мной... Разъярённая слоноподобная тётка такого революционно-базарного вида, будто только что продавала стопками махорку и патроны, решительно преградила мне путь к счастью. (Неужели и она тоже надеется обрести нежную любовь в предместье Парижа?!) Захлёбываясь площадной бранью, комиссарша принялась толкать меня кулачищем в плечо, намереваясь раз и навсегда покончить с моей никчёмной классово-несознательной жизнью. И быть бы мне затоптанной ревущей, жаждущей возмездия, рвущейся на штурм Зимнего толпой революционных матросов... Но в эту самую секунду волшебная дверь отворилась! Отчаянно вырываясь из десятка вцепившихся в меня алчных потных рук, я кинулась внутрь, чуть не сбив с ног невозмутимого андроида.

Всё! Победа! Так вот что имела в виду Лолка, говоря: «Главное – вырваться!»

Прохлада. Полумрак. Будто из жерла адского пекла попала внутрь чудесного облака. Теперь мне больше никуда не нужно будет торопиться, психовать и рвать жилы – это где-то там... Тихие вежливые голоса задают простейшие вопросы, а я всё никак не могу опомниться и с первого раза правильно произнести даже собственное имя.

– В Интернете познакомились? – с подозрением интересуется аккуратный холёный клерк.

Но не тут-то было, не поймаешь, морда заграничная. Я-то знаю, что и как нужно отвечать. Дай бог моей Лолке здоровья, денег и море французских поцелуев!

И вот снова очередь. Но совсем другая. Неспешная. Вальяжная. Добродушно-расслабленная. У всех такой вид, будто никто никуда и не собирается лететь вовсе. Медленно и лениво загружаются на движущуюся дорожку сумки и чемоданы. Паспорта и билеты протягивают с непременно отсутствующим заспанным выражением лица.

Какие разные очереди! В России даже у дверей морга волнуется нервная толпа. Потому что жизнью учёные – вдруг не достанется. И ведь правы – иногда не достаётся...

Иноземцы, наверное, не приучены волноваться по этому поводу – им всегда всё доставалось, что положено. Избалованы. Десятый раз по всему аэровокзалу на трёх языках просят пройти на посадку некоего мистера. А его нет. Никто не подорвался как на пожар, подхватив авоськи. Никто не прыгает и не ругается, не извиняется – вообще не шевелится. Мистер не торопится, он в баре не допил свой виски с тоником или не сторговался о цене матрёшки в сувенирном киоске. И плевать. У него всё схвачено. Он не отвалил за авиабилеты гигантскую сумму в годовую зарплату. Главное: перейти черту – окажешься в волшебном серебряном мире с новыми запахами и переливами хрустальных колокольчиков перед каждым объявлением по радио. Нет проблем.

– Привьет. Путьешествие?

От неожиданности я вздрогнула – никак не ожидала, что в этом новом неведомом мире со мной так внезапно захотят общаться инопланетяне-небожители.

Передо мной стояло нечто – абсолютно бабарязанского вида, если бы не пирсинг в губе и цветные татуировки, покрывающие предплечья с заходом на шею. Несмотря на то что фигура девушки представляла бесформенную желеобразную гору целлюлита, она была одета, словно без стеснения гуляла по пляжу, причём нудистскому. Приспущенные до неприличия необъятные шорты выставляли на всеобщее обозрение грязно-розовые стринги. Бывшая когда-то белой застиранная маечка не скрывала прелестей хозяйки, принципиально не носящей бюстгальтера. Хотя, я думаю, зря. Образ уверенной в себе на все сто иностранки был гармонично дополнен жирными нечёсаными волосами-сосульками и россыпями прыщей по всему круглому невыразительному лицу:

– Джейн. Сан-Франциско. – Девушка по-свойски хлопнула меня по спине, как делают бывалые кореша из соседнего ПТУ.

– Елена. Барнаул.

– А, Борнео?!

– Нет. Барнаул. Алтай.

– М-мм... Китай?!

– Нет же. Сибирь!

И тут Джейн посмотрела на меня тем безумным, полным ужаса, сочувствия, неверия и высшей степени удивления взглядом, на который я буду теперь обречена после каждого знакомства с любым иностранцем. Этот взгляд будет преследовать меня повсюду и выматывать душу, заставляя чувствовать себя двухголовым лабораторным уродцем, заспиртованным в большой колбе и выставленным внушать трепет публике.

– А за что тьебя туда?..

Через пять минут я и Джейн поняли, что мы лучшие друзья, через десять – не представляли дальнейшей жизни друг без друга. Джейн рассказывала мне о своей жизни на ломаном русском:

– У мьеня всьё мальенкое и старое. Мальенкий старый дъомик – два этаж. Мальенкий старый бассейн – весь заросли, нужно чистить. Мальенкий старый автомобиль – часто ломается. Я бьедный! Я стьюдент. Только бой-френд хороший, красивый. Он здесь жить, ин Москоу.

Не обращая внимания на мой протест, Джейн открыла чемодан и стала с энтузиазмом показывать подарки от московского бойфренда. Лапти, по размеру подходящие для американской кошки Джейн, наверняка тоже маленькой и старой, открытки с видами столицы и прочий арбатский ширпотреб. Особую гордость Джейн испытывала, демонстрируя расписной павлопосадский платок, который тут же повязала на пояс:

– Так польечу! Я тоже фром Сайбирьа!

Этот финт раскрепощённой американским образом жизни секс-бомбы моментально возымел должный эффект. Огромный серебристый зал ожидания загранрейсов дальнего следования, казавшийся поначалу безлюдным, оживился. Из дальнего угла кафе оторвался от экрана ноутбука тощий сутулый гражданин неизвестного государства и теперь неподдельно заинтересованно взирал на Джейн. Заулыбалась и радостно зааплодировала одетая во всё белое низкоросло-черноголовая группа японских туристов.

Но особое внимание заслужила Джейн от странной компании мужчин ярко выраженной цыганской внешности, усыпанных золотыми украшениями (толстые цепи были даже на щиколотках), в аляповато-ярких рубахах. Громко

галдя, как и положено табору, они, не стесняясь, показывали пальцами на толстый зад Джейн, драпированный платком, двигались к нам. «Боже, что сейчас будет?! Не хватало ещё проблем с цыганской диаспорой! – страх моментально сковал меня. – Как отвязываться будем?»

Но бесстрашная Джейн, напротив, видимо, решила закончить свои дни в цыганской кибитке, по Бессарабии кочуя. Она нарочито выставила свой необъятный зад и стала им призывно трясти, всколыхнув ещё не тронутые залежи целлюлита. Ромалы впечатлились и стали, громко цокая, щёлкая пальцами, наперебой восклицать:

– О, белла донна!

– Поехаль з нами!

– Беллисимо!

– Уно итальяно.

– Телефонарэ?

– Аморе. Аморе.

Джейн, достигнув желаемого эффекта, заливисто хохотала, запрокинув голову и сотрясая дынеподобные груди.

– Джейн, это ж что, итальянцы, что ли?!

Отдав должное неземной красоте и раскованности американской прелестницы, пёстрая компания, посылая бесконечные воздушные поцелуи и сыпля искрами из чёрных азартных глаз, спокойно удалилась. Неминуемого национального конфликта, которого я ожидала, к моему счастью, не случилось.

Итак, мне предстояло провести в небе целый день. Полёт, несмотря на то что был оплачен из кармана настоящего миллионера, происходил на самых дешёвых швейцарских авиалиниях и был отягощён пересадками на извечно политически нейтральной земле. Туда – в Цюрихе, обратно – в Женеве. Эти предстоящие пересадки меня особенно пугали. А вдруг не пойму объявлений на чужом языке и вообще потеряюсь?!

Опасения были напрасны. В Цюрихе мне даже не пришлось и шагу ступить самостоятельно – по ультрасовременному аэровокзалу из стекла и бетона пассажиров везли движущиеся дорожки, а через каждые три шага стояли служащие, в обязанность которых входило заглядывать в наши билеты и указывать направление. Знание языка оказалось совсем не нужно. Инопланетный серебряный мир уверенности и комфорта предусматривает и страхует до мельчайшего нюанса.

Моим соседом в самолёте до Цюриха был классический англичанин – вежливый, чопорный и холодный. Я тогда ещё не знала, что все англичане, с которыми мне предстоит познакомиться, будут, как под копирку, похожи именно на этого джентльмена. Он галантно помог мне забросить чемодан в верхний багажный отсек, а затем на протяжении всего полёта без отрыва пялился в тонкий экран, с одинаковым закостеневшим безразличием впитывая как фильмы и мультики, так и инструкцию по использованию спасательных жилетов и ремней безопасности.

Я порядком проголодалась и с нетерпением ждала обеда. «Эх, там, наверное, та-ак вас будут кормить вкусно-о-о!» – вспомнилась мне мечтательно-завистливая фраза Костика. Каково же было моё разочарование, когда некрасивые, но вымуштрованные стюардессы с прилепленными на лица улыбками раздали пассажирам пластиковые коробочки с чуть тёплой лапшой. К ней прилагались запечатанные в целлофан вилка, нож и капля безвкусной горчицы. Мой сосед с истинно английской проницательностью свой пакет даже не распечатал, а с выражением неистребимой скуки и отвращения к жизни механически заглатывал бесплатные коньячные чарки. Мне же пришлось довольствоваться тем, что есть, и давиться слипшимися комками, по вкусу, цвету и запаху напоминающими новорожденных белых мышей. Невольно вспомнились очаровательные феи из авиакомпании «Сибирь», предлагающие на выбор мясные отбивные, рыбу или курицу-гриль в термопакетах. Да-а, не ценим мы себя! Так ещё до прибытия первое сравнение в пользу родных пенатов стало навязчиво подкатывать к горлу с каждым клейким комком лапши: «Ну, что-то кормёжка-то европейская совсем поганенька!»

Когда из прозрачного рукава самодвижущиеся дорожки, минуя трап, перенесли пассажиров сразу на борт, прошло уже довольно много времени, и я вновь успела сильно проголодаться. Мы поднялись над горами, словно застеленными велюровым пледом ярко-изумрудного цвета. Маленький самолётик должен был

доставить пассажиров в Париж в аэропорт «Шарль де' Голль». Но это была та же швейцарская авиакомпания, следовательно, стюардессы были ещё страшней, а на обед всё та же бесподобная лапша, только ещё холодней и безвкусней!

Ещё в небе я сделала для себя поразительный вывод, насколько, по сравнению с нашими, ухожены, выхолены иностранцы-мужчины! И насколько, по сравнению с нашими же, запущены, расхристаны, неаккуратны иностранки-женщины! Вот что значит мужики не истреблялись в бесконечных войнах и «перегибах» культа личности – старик Дарвин был чертовски прав!

Моими соседками на этот раз были две подруги-китаянки. Они всю дорогу без умолку болтали по-французски. А пожилая стюардесса, похожая на уставшую клячу, была с ними как-то особенно предусмотрительна и любезна. Почему? Это так и осталось для меня загадкой. Может, здесь особенно уважают Китай за численность населения и боятся, что рано или поздно необузданная животворящая сила взорвёт все мыслимые границы, разнесёт по всему миру китайский ген плодовитости... и очень скоро все мы станем чуть-чуть раскосы. Скорее всего, так оно и будет. На эту мысль меня натолкнул один из страстных Лолкиных монологов, вынырнувший из моего дырявого памятихранилища.

Лолка рассказывала, как она тщательно готовилась к своему первому дню в настоящем французском университете. Она предвкушала, что наконец-то познакомится с коренными французами ровесниками. Подозреваю, что возраст её супруга, равно как и его окружения, далеко перешагнул пенсионный рубеж. «Наконец-то я освоюсь, расширю круг общения, социализируюсь по-настоящему!» – мечтала она, вероятно имея в виду более подходящего по возрасту любовника.

Затем длился долгий рассказ о том, как она красилась, выбирала наряд, с какими трудностями парковала машину, торопилась, бежала на высоких каблуках и еле нашла нужный корпус, но всё же опоздала... Представляешь, врываюсь в аудиторию, произвожу феерическое впечатление на своих сокурсников! Оглядываюсь... на меня смотрят сорок три китайца и одна фиолетовая африканка из Конго! Это моя университетская группа...

Я ещё не знала, что на вопрос о том, откуда я, мне теперь придётся говорить, что я живу рядом с Китаем, потому что никто не знает, где находится Сибирь, а тем более Барнаул. Зато Китай знают и уважают все.

И вот, наконец, внизу закончились поля, расчерченные на квадратики и прямоугольники. Засверкал на закатном солнце разноцветный бисер огней большого города. Засуетились, закартавили вокруг. Стюардесса, которую в Барнауле не приняли бы работать даже вахтёршей в баню, изобразила этюд пантомимы, из коего пассажирам стало понятно, что пора пристегнуть ремни – наш авиалайнер приземлялся в далёкой неизвестной и совершенно чужой стране.

Я увидела их сразу. Хотя узнать моих встречающих было непросто. Лолка изменилась разительно! Похорошела до бессовестности и как-то заматерела. В её осанке появилось нечто самоуверенное, самодовольное, даже самовлюблённое. Одета ультрамодно, с небрежностью богатой и независимой женщины. Особенно поразила её необыкновенная причёска. В России таких ещё не делали. Впрочем, это была простая, неровная, очень короткая стрижка «французский выщип», но покрашенная слоями – цветовой переход от светло-орехового на чёлке к тёмно-вишнёвому на затылке.

Месье в жизни оказался высоким, подтянутым, мускулистым, с коричневым загаром и ослепительной снеговой улыбкой, с лучиками добрых морщинок у глаз. Передо мной стоял не каннибал Лектор, а скорее мистер Лок (как сегодня бы я его охарактеризовала) из сериала «Lost» (в российском прокате «Остаться в живых»). Мало того, он держал за руку третьего персонажа, о наличии которого я и не подозревала. Это был маленький ангелоподобный мальчуган лет пяти с огромными нереально синими глазами.

– Бонжур, мадам Элина́! – произнёс малыш нежным голоском, и моё сердце подпрыгнуло и перевернулось, словно кусочек шоколада в бокале с шампанским. Я схватила ребёнка на руки

и закружила. Он засмеялся, будто зазвенела «Музыка ветра» из множества стеклянных трубочек:

– Сюпе́р! Сюпе́р!

Потом в просторном, размером с мою кухню, лифте мы спустились куда-то глубоко под землю. Это был подземный гараж. Там нас ждал серебристый автомобиль, напоминающий летающую тарелку. Месье был за рулём, меня усадили рядом на переднее сиденье, а Лолка с юным наследником миллионов уселись на заднее сиденье, но почему-то им так же необходимо было пристегнуться. Инфант к тому же был втиснут в малопригодное для жизни детское сиденье. Через несколько лет эти новые странные правила обрушатся и на российских детишек и их авторoдителей.

Вдалеке проплыл силуэт Эйфелевой башни, унизанной красными огоньками. Ехали долго, так что времени хватило, чтоб немного прийти в себя. По дороге выяснились холодящие мою душу обстоятельства. Лолка сбежала от мужа и живёт с любовником в гостинице.

– А мне-то теперь куда деваться? – ошарашенно пролепетала я, смутно догадываясь, в каком двусмысленном положении я оказалась перед Месье.

– Да не бзди ты! Всё что ни делается – всё к лучшему! Молчи и внимай. Ты чего как экстратэрэстр[5] в самом деле?! – возмутилась подруга. – Поживёшь у Месье. У него на ранчо всегда куча дармоедов тусуется. Лучше сразу – в омут с головой. И привыкай! Ты чо, маленькая? Ты зачем сюда приехала? Лясы мы с тобой и по телефону можем поточить. Ты давай о судьбе своей задумайся. Когда-то надо и замуж выходить. Смотри, как он на тебя смотрит – как кот на сметану.

Мне стало стыдно, что мы так говорим о человеке, не стесняясь его присутствия. Я искоса посмотрела на Месье. Он тут же отреагировал – дружески кивнул, улыбнулся лучистыми глазами, в очередной раз продемонстрировав безукоризненную белоснежную улыбку голливудского людоеда, накрыл мою ладонь своей – тяжёлой, загорелой и тёплой. Участь моя была решена.

6. ПРОСНИСЬ В РАЮ

На французской стороне, на чужой планете предстоит учиться мне в университете...

Ехали мы долго, наверное, часа три. Если бы мне в это время показали карту страны, то я немало бы удивилась тому, какое глобальное по масштабу путешествие мы, оказывается, проделали. Из столицы махнули в Нижнюю Нормандию.

Малыша звали непривычным двойным именем Эркюль-Пьер. Всю дорогу мальчик энергично лопотал, на что папа сдержанно ему что-то объяснял густым баритоном. Их диалог поначалу показался мне музыкой. «Надо же, такой маленький, а уже так здорово по-французски разговаривает!» – ловила я себя на восторженно-абсурдной мысли.

– Эркюль-Пьер – дважды царское имя, ведь Пётр Первый самый великий из ваших царей, а Эркюль на русский переводится как Геракл – правитель, герой античной мифологии. Мой сын – дважды царь! – с достоинством, граничащим с заносчивостью, познакомил меня Месье с сынишкой. Лолка переводила с неохотой и некой долей необъяснимого сарказма.

В Кан заехали поздно ночью. Я была в ошалело-дебильном состоянии, ведь не спала больше суток, и мне было уже безразлично, когда и как меня съедят. Но, высадив Лолку у гостиницы, где ожидал её новый любовник, я встрепенулась – не ожидала, что она вот так быстро оставит меня. Единственным гарантом стал малютка Эркюль. Ведь не станет же этот холёный каннибал набрасываться на меня при собственном ребёнке.

Выехали из города, напоминающего в загадочном ночном полумраке скорее Стамбул, нежели европейский сити. Дома низкие, с плоскими крышами, два-три, максимум – четыре этажа. Асфальт и каменные здания одного светло-серого цвета. И что сразу бросилось в глаза – очень мало растительности. Не город, а каменный мешок. Сколько едем – ни одного дерева! Не то что шикарные аллеи родного Барнаула!

Ой! Что это со мной?! Неужто взыграли скрытые славянофильские струны? Что-то

раньше я в себе такого не замечала. Всегда думалось наоборот: всё наше – это г...., а вот там, где-то далеко-далеко, в Европах, вот там она – настоящая жизнь, а у нас так – не жизнь, а недоразумение...

...Недоразумение, а расставаться с ним во цвете лет? Пусть даже это такое непролазно никчёмное существование. Но вот так за здорово живёшь всё равно не хочется. Подобные гнусные мыслишки полезли в связи с тем, что ехали мы уже не по ровной трассе, а, свернув на узкую лесную тропу, продирались сквозь смоляную мглу джунглей.

Деревья над нами сомкнулись, закрыв мохнатыми шапками последние проблески ночного неба. Там, в страшной чёрной глубине, зловеще ухали совы. С деревьев то и дело срывались жуткие и никогда мной раньше не виданные летучие мыши. Спаситель – Эркюль-Пьер – спал на заднем сиденье беспробудным младенческим сном, освободившись из пут пыточного кресла. А мы всё ехали и ехали... От напряжения и страха я превращалась в зомби – без чувств, только слегка подташнивало от голода.

Наконец «летающая тарелка» свернула с лесной тропы и, въехав в необозримый двор, ещё с пяток минут подъезжала к дому, который из светлой полоски на горизонте превратился в настоящий дворец с огромными клумбами, фонариками перед входом и массивной каменной лестницей. Рассмотреть все достопримечательности двора сил у меня не оставалось.

Вместе с парой рослых далматинцев нас встретили мужчина и женщина, их голоса ласково журчали, а глаза изливали потоки тепла. Мужчина подхватил на руки спящего «инфанта» и унёс в тёплое дворцовое чрево. А самая милая из всех женщин, коих я когда-либо встречала, в лёгком реверансе скромно представилась Мони́к, тихо взяла меня за руку и повела по лестнице на второй этаж, видимо в мою комнату. Боже! Это что ж, у меня теперь собственная служанка?! Быть не может!

Мы уже поднялись по лестнице, как снизу приятным бархатным баритоном меня окликнул хозяин:

– Элина́! Гуд найт, май диа! Свит слип, – он теперь вновь потерял всякое сходство с экранным маньяком, а выглядел престарелым принцем в своём шикарном заколдованном замке.

– Гуд найт, месье.

Моя комнатка была самой уютной из всех, что я видела в жизни. Тёмно-бордовые с золотом обои повторяли рисунок на тяжёлых ночных шторах. Такая же обивка на огромных мягких креслах, по размеру больше напоминающих средненькие диваны. Да-а... Два таких креслица до отказа заполнили бы мою «хрущобу». Кровать под настоящим балдахином (!) была широка до неприличия. Все вещи и их назначение понятны и знакомы, но вместе с тем всё другое вокруг. Вот даже подушки на этой огромной кровати иностранные, не наши прямоугольные, а цилиндрические!

С комнатой соседствовал «свой» туалет и душевая кабинка – не надо шариться по чужому дому, сгорая от стыда, в поисках отхожего места. На прикроватной тумбочке был включен совершенно необыкновенный ночной светильник: разноцветный земной шар из стекла неспешно вращался вокруг своей оси, а где-то посреди Азии было приклеено розовое сердечко с надписью «Barnaoul». Всё вокруг мерцало роскошью, шиком и невиданным богатством. Вот такой вот вам фэн-шуй!

От умилённого любования меня отвлёк тихий стук в дверь. На пороге стояли слуги. Мужчина занёс в комнату мой тощий чемоданишко и вышел, а милейшая Мони́к поставила на маленький стол поднос на ножках, на котором в изобилии располагались вкусности: блюдо с фруктами, горячие пирожки из слоёного теста и целый кофейник горячего шоколада.

– Экскюзэ муа, мадам. Круассан. Кяфэ́, – Мони́к лёгкими шагами обошла комнату, открывая и показывая мне шкаф, встроенный в стену бар и сейф с цифровым кодом, напоминающий ячейку в камере хранения на нашем вокзале. (Зачем он мне? Что мне там хранить-то?) Затем подала несколько пультов: от телевизора, вентилятора, обогревателя, кондиционера и верхнего освещения. Я испытала лёгкое смущение и муки совести зажравшегося колонизатора, когда она попыталась помочь мне раздеться.

– Ноу, Мони́к.

– Гуд слип, мадам.

Смиренная «Золушка» сделала наисмиреннейший книксен и беззвучно удалилась. Ошарашенная, я постояла ещё несколько минут посреди моих шикарных апартаментов и всё же на всякий случай заперла дверь.

Но первое, что я увидела, едва открыв глаза, была Мони́к, по-хозяйски орудующая в моей спальне, – она протирала мебель розовой губкой, распространяя запах чего-то химического. Теперь она не казалась столь безгранично милой. Как же я раньше не догадалась, ведь у домашней прислуги есть ключи от всех комнат. Я уже было хотела возмутиться столь бесцеремонным вторжением в мою частную жизнь, но в эту секунду Мони́к повернулась ко мне, улыбаясь самой сладчайшей из всех улыбок:

– Бонжур, мадам Элина́. Брекфэст ин ливинрум, – она стала жестами показывать, что на первом этаже, в гостиной, меня ждут на завтрак. Уходя, она без моего согласия открыла настежь огромное окно...

И в комнату ворвался Рай! Я даже не подозревала, что за тяжёлыми шторами скрыта столь великолепная панорама. Окно располагалось непосредственно над входом в здание. От лестницы почти до горизонта тянулась дорога брусничного оттенка. По двум сторонам от дороги сияли на солнце совершенно изумрудные поляны, обрамлённые цветущими деревьями. И – о чудо! Деревья казались разноцветными: одно розовое, другое сиреневое, ослепительно белое, лиловое... Кроны столь плотно были усыпаны цветами, что совершенно скрывали листву. По нереально яркой траве гуляли самые красивые на свете кони – тонкие, словно точёные. Вдали резвились жеребята. Картина, больше похожая на сон, чем на явь.

Поляны от двора отделялись зелёной изгородью розовых кустов с огромными махровыми цветами-чашками. Ближе к дому были разбиты пёстрые клумбы. Комната заполнилась головокружительными ароматами мечты и счастья. Вдруг во дворе взвилась ввысь первая, самая высокая струя фонтана. Полилось, зажурчало. И одновременно откуда-то снизу поплыла нежная мелодия. Нет! Так не может быть! Уж как-то всё слишком идеально...

Вдруг в окно влетела огромная зелёная откормленная муха и без зазрения совести села мне на руку:

– Странно, а ведь это не простодырая муха из какого-нибудь Старо-Пердуново, а муха европейская, можно сказать, коренная француженка, – пришла мне в голову совершенно глупая мысль.

Месье и завтрак ждали меня на открытой белой веранде, утопающей в зелени. Я, смущаясь, села напротив. Как я буду с ним говорить, о чём? У нас ведь ничего общего! Месье мне ободряюще улыбался, предлагая выбор между кофе, белым и красным вином. Мягко, почти шёпотом спросил:

– Кофи́? Уайт вайн о ред?

Я выбрала белое вино, чтобы хоть немного расслабиться. Месье кивнул Себастьяну, исполняющему в доме всю мужскую работу, и тот налил мне половину бокала. Но увидев, что я потянулась за окорочком, остановил мою руку, и на стол подали белую рыбу в фольге.

Так я получила первые познания аристократических закидонов Месье: рыбу – к белому вину, а мясо – к красному, и ни-ни по-другому. Вторым уроком было то, что охлаждать можно только белое вино и шампанское. Когда я однажды засунула в холодильник какие-то две элитные бутылки с «красненьким», Месье так орал, что думала, лопнет от злости.

Да, это потом мне стало ясно, как сильно Месье пытался пустить мне пыль в глаза в это первое французское утро. Фонтан вообще включали лишь по великим праздникам, потому что воду экономили, будто это не Франция, а деревня посреди Сахары. И окно было открыто в то утро вопреки моему желанию с видом на идиллический пейзаж главным образом затем, чтобы продемонстрировать бьющий фонтан. Именно для того, чтобы я могла по достоинству оценить безграничную щедрость и доброту Месье. Но как только желаемый эффект был достигнут и я, задыхаясь от восхищения, отправилась на веранду завтракать, фонтан был немедленно отключен. В основном он служил местом купания для гостивших детей и собак.

Но вернёмся к эпохальному по значению завтраку. Почему он так важен, спросите вы? Ну, во-первых, он разительно отличался от всех остальных французских завтраков тем, что в честь важного гостя (меня) подавали и

рыбу, и мясо, и всё, что хочешь... А все остальные завтраки не отличались таким разносолом.

Везде, где бы ни было в семье аристократов с приставкой «де» к фамилии или в дальней провинции в самом захудалом фермерстве, на столе – кофе, тосты (сухари, подсушенные в тостере) или круассаны, к ним – магазинный джем или шоколад. Причём шоколад кладётся сверху на хлеб и даже на булку, как бутерброд. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, а вот тебе булка, которую зачем-то непременно принято размачивать, засовывая в кружку, отчего горький напиток становится ещё противнее из-за обилия в нём плавающих крошек. Жуй шоколад ломтями и намазывай сверху приторной патокой, но при этом изволь оставаться стройной, как велосипед, потому что по французским меркам это очень-очень красиво.

Ну а самое главное, почему мне так важно обратить ваше драгоценное внимание на этот чёртов завтрак, это то, что мы с Месье стали общаться! Как и на каком языке, спросите вы? Боюсь, я не смогу ответить. Сначала на соединении «тарабарского» и жестов, потому что его так называемый «английский» звучал с таким жутким местным акцентом, что даже я – не ахти какой лингвист – это понимала.

Поначалу мы рисовали друг другу на салфетках некие символы – иероглифы. Началось с того, что Месье нацарапал на салфетке сердце, пронзённое стрелой, – знак, понятный всем в мире, на что я сдержанно ответила ему кривовато улыбающимся солнышком.

Вскоре я адаптировалась к его интерпретации английского с нижненормандским. И мы бегло заговорили на какой-то жуткой гремучей смеси из неправильного «инглиша», обрывочного «френча», а также языков рук, глаз, интуиции и смекалки. Кроме нас самих, понять, о чём мы так смешно и эмоционально беседуем, не мог никто. А ведь, вы не поверите, мы целыми днями обсуждали совершенно разные темы: религия, политика, искусство, воспитание детей и др., спорили, доказывали...

Но так или иначе, далее я не буду подробно описывать, как именно происходило наше общение, потому что для меня самой это до сих пор остаётся большой загадкой, а в диалогах постараюсь передать суть понятого с минимумом транскрипций.

7. ЖЕСТОКИЕ ЗАКОНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЗАСТОЛЬЯ

Ничто так не снимает сонливость,
как чашечка крепкого сладкого горячего кофе,
выплеснутая на живот.
(Лисси Мусса, «3000 способов не препятствовать стройности, или Сделаем из Тушки Фигурку»)

К полудню выяснились интересные обстоятельства: оказывается, кроме меня, в замке гостят две семьи, их комнаты рядом с моей – на втором этаже. Но «другие» почему-то не были приглашены к завтраку, а сразу после короткого знакомства разъехались по ресторанам.

Одно из семейств припёрло с собой не только многочисленное потомство, но и двух собак. Маленького мопсика пустили гонять по дому, а огромного сенбернара поселили во дворе в поразившей меня комфортабельной будке-палатке для собак. Точная копия обыкновенной «человеческой» палатки раскладывалась за несколько секунд, но была раза в три меньше, как будто предназначалась для туристов-гномов.

Вообще, принцип, по которому заводятся европейские знакомства, не поддаётся никакой логике. Одинокий старый дед может дружить с гей-парой юных мулатов и тому подобные невероятные варианты. В нашем случае дружба имела хоть и слабую, но всё же мотивацию.

Семейство высокопоставленного парижского чиновника Себастьяна Лакарена с тремя детьми было приглашено на уик-энд, в частности, из-за жены главы – русской женщины Тамары из Подмосковья, или, как все её здесь величали на местный манер, мадам Тамара́, для того лишь, чтобы мне было с кем общаться. С этой же целью каждый вечер в дом Месье съезжались со всей округи все, кто более-менее мог понимать русскую речь: бабушка-армянка, владелица сети армянских закусочных, Илга – женщина-полицейский, бывшая гражданка Эстонии, сосед-англичанин Клайд с безвылазно гостящей у него русской любовницей Ирэн (Иркой из Ростова).

А вслед за ними вся русскоговорящая диаспора. Это теперь я отчётливо понимаю, что все они рвались не только от скуки посмотреть на меня как на шоу, а ещё и прикоснуться краешком души к потерянной родине, хоть послушать...

Вторая семья, разделившая с нами комнаты для гостей, – молодожёны Маржори́ и Ксавье́. Как пояснил мне Месье, с Маржори они дружат давно, ещё с тех пор, когда она была совсем маленькой девочкой, а её новоиспечённого супруга-пуэрториканца впервые увидел два дня назад. Месье был явно восхищён своей давней подругой, и, как мне удалось выяснить, их дружба основывалась на любви к лошадям. Завотделением гинекологии Маржори́ в детстве занималась конным спортом. А главное, о чём поведал мне Месье с влажным блеском в глазах, Маржори́ – настоящая француженка!

В отличие от Месье, я восторга по поводу его юной подруги не испытывала. Хотя влияние конного спорта на настоящую француженку явно угадывалось. Маржори́ была худой, голенастой, жилистой, с длинным узким лицом и вся коричневая, словно вороной масти. Но таких красавцев, как её супруг, я в жизни своей никогда не встречала. Хотя нет, видела на экране. Вот если совместить одухотворённое «слишком-много-знающее» лицо и животную грацию Нео из «Матрицы» и фигуру молодого Терминатора (в его лучшие догубернаторские годы), то получится он – Ксавье́, оливковый мускулистый тренер по фитнесу.

После «эпохального завтрака» Месье повёл меня показывать дом. Жилой оказалась только центральная часть, а два крыла были заперты и необитаемы. По словам Месье, он собирался сдавать комнаты квартирантам, во Франции это очень выгодный бизнес, и дом был уже полностью подготовлен принять жильцов. Но Месье ждал осени, когда цены взметнутся вверх и тогда сдавать жильё внаём будет выгоднее. Странно – терпеть под носом чужих людей, когда денег и так куры не клюют?..

Мы с бабушкой пробовали пустить на квартиру студентку в самые трудные голодные девяностые, но скоро отказались от этой затеи. Жить под одной крышей с чужим человеком оказалось невыносимо. Студентка курила, частенько приходила под утро, постоянно плескалась в ванной и без умолку говорила по телефону. И когда только она успевала учиться?

Мы чувствовали себя как в общаге, как будто мы вовсе не хозяева. Табачный смрад, клубы испарений из ванной, вся квартира увешана её трусами, а под порогом вечно дежурит очередной «жених-однокурсник» лет сорока. Фу, вспоминать тошно! Уж лучше впроголодь жить, чем вот так-то...

Особенно меня поразил кабинет Месье. Огромные шкафы-витрины были сверху донизу уставлены блестящими кубками. Одна из стен полностью отдана под демонстрацию разноцветных лошадиных медалей из шёлковых ленточек, похожих на цветы. И всюду кони, кони, кони...

Из интерьера любому сразу становилось понятно, что это жилище конезаводчика, владельца элитных арабских скакунов. В доме тут и там были развешаны и расставлены изображения лошадей, но в кабинете с лошадиной тематикой просматривался явный перебор. Если картина, то обязательно бегущие лошади, если скульптура – неизменно вздыбленный конь, даже подлокотники на шикарном кресле хозяина в виде лошадиных голов. Чувствуешь себя неуютно, как в конюшне, – аж заржать хочется. Одно, правда, отступление от правил красовалось на широком подоконнике: вместо полноценного коня в окно печально, словно переживая свою неполноценность, глядел бронзовый атлетичный кентавр.

Сначала все эти кони были мне на одно лицо, точнее сказать – на одну морду. Но Месье гордо показал мне на фото в богатой раме и с придыханием и дрожью в голосе сообщил, что это – сам Аполло́! Великий жеребец-производитель всех времён и народов! Оказывается, в большинстве своём это именно Аполло́ горделиво взирал отовсюду: с картин, многочисленных фотографий и даже с гобелена.

Месье решительно расстегнул рубашку и трепеща продемонстрировал мне изображение дорогого жеребца, которое всегда носил с собой, а точнее на себе – золотая цепь с Аполло́-подвеской не отличалась изяществом, а напоминала пресловутую «голду» на шее бритоголового российского братка:

– Мой Аполло́ – очень-очень дорогой конь, он стоит столько – можно пол-Нормандии купить! – горячился Месье, после чего впал в долгий безутешный транс.

Как выяснилось позже, жена Месье, с которой он находился в состоянии боевых действий, пользуясь привилегиями бывшей хозяйки и имея все ключи, выкрала бесценного Аполло́ в тот момент, когда наивный трогательный Месье выгуливал сынишку на горнолыжном курорте в Альпах. Но доказать факт воровства не удаётся, так как мадам – опытный юрист, да ещё и грозит лишить Месье права видеть родное чадо. Ах, бедный-бедный Месье!..

Хозяин тактично предупредил меня, что вечером ожидаются многочисленные гости. Солнце клонилось к закату, но, несмотря на это, прислуга признаков жизни не подавала, мало того – никто не торопился закупать продукты и жарить-парить, прибирать-накрывать к приходу гостей, как это принято в русских традициях гостеприимства.

Если на родине главной статьёй расходов среднестатистического гражданина было и остаётся – статья продуктовая («Работаем на унитаз!» – возмущаются любимые коллеги), то в Европе покушать можно недорого. Обед в ресторане стоит чуть больше проезда на транспорте. Так чего ради, скажите, на кухне горбатиться и годы молодые терять? Конечно, ресторан входит в обиход каждого европейца с младенчества как место, где едят, а не злачное дымное заведение, где творится русский отдых – бессмысленный и беспощадный!

На круглом столе в гостиной всегда стояла огромная ваза размером с таз, полная фруктов, съедать которые не успевали. Поэтому систематически плесневела клубника, чернели и прокисали бананы, апельсины держались до последнего, но всё равно засыхали. А я чуть не плакала, на это глядя. Мы с бабушкой видели фрукты только по праздникам, а вдоволь – никогда.

Вообще, где бы мы впоследствии ни были, процедура приёма гостей у французов всегда шла по одной и той же неизменной схеме. Это в родных пенатах бегают с утра, суетятся и режут-режут бесконечные салаты – чтоб стол ломился.

– Мама, мама, к нам приехали Валуа и Дюпоны, – кричат, например, ворвавшиеся в гостиную дети, а мама не всполошилась, не падает в обморок, в панике соображая, что метать на стол и как после этого неожиданного вторжения потом выжить – как сидела у телевизора нога на ногу, так и сидит. Потому что за границей гости – это не праздник, а практически повседневность.

После того как гости подъехали (одна семья может приехать на нескольких машинах, муж – на своей, жена – на своей и дети – на своих), следует долгий ритуал целования. Ходить на званый ужин принято не с цветами, а с низкокалорийными тортиками (на сухой слоёной лепёшке – горка желированных фруктов). Но это всё равно рациональнее, чем дорогой букет, который не сегодня-завтра придётся выбросить.

По французской традиции целоваться следует четыре раза, попеременно в каждую щёку. В процедуре обязаны участвовать все, включая детей. Затем вся «мелочь» отправляется восвояси на задний двор осваивать бассейн и играть в шары. А народ самостоятельно рассасывается по дому и двору и общается группами. После непродолжительного свободного времени к гостям выходит хозяин дома и с неизменным глупо восторженным выражением произносит:

– Аперитив? – будто кто-то может отказаться, такого за всю историю Франции, думаю, не наблюдалось.

На аперитив обычно подают шампанское или белое вино с лёгкой закуской. Чаще всего роль закуски выполняет ассорти из разных солёных орешков, крошечные канапе или оливки с воткнутыми в них зубочистками. Короче говоря, приехавшим на обед людям предлагается пить быстрострелящее в голову вино на голодный желудок практически без закуски. Процедура может затягиваться на три часа. В течение «аперитива» отчего-то всем становится очень-очень весело. Флегматичные беседы оживляются всё более и более и грозят перерасти в цирковое шоу. Все друг друга любят, взрослые начинают играть и бегать с детьми. А уж таких покладистых и весёлых собеседников вы ещё вряд ли где встретите – никто не спорит до хрипоты, кто нужнее стране – Сталин или Жириновский, все согласны уважать любое ваше мнение.

Но, что особенно приятно измученной домашними застольями женской душе, это то, что кухней занимается исключительно сильная половина. Мужчины рубят дрова для барбекю или просто разворачивают купленную в магазине вязанку. Разводят огонь в «барбекюшнице» (сооружение напоминает каменный мангал и присутству-

ет в каждом дворе). Деловито, с осознанием важности возложенной миссии, добытчики сосредоточенно переворачивают на решётке замаринованное мясо, приготовленное в ближайшем гипермаркете. А в это время их мадамы дымят длинными тонкими сигаретами, болтают «ни о чём» и самозабвенно истребляют аперитив.

Наконец наступает время садиться за стол. Причём тарелки и приборы раскладывают приехавшие гости, не тревожа хозяйку дома, они же могут на досуге нарвать салат. Салат для французов – это не нарезанные в майонезе овощи, а одноимённое растение с зелёными листьями. Его рвут руками в произвольном порядке в большой круглый прозрачный таз и спрыскивают каким-нибудь купленным в магазине соусом, основу которого, судя по запаху, составляет уксус. Минимум жира, легко и полезно. Упор на зелень, морскую пищу и красное вино – праздник для желудка. Про культовое новогоднее блюдо – оливье – никто понятия не имеет, как и о мясе по-французски. Оливье – означает оливковое дерево, есть ещё выражение «алле ву!» – что-то типа «пойдёмте!», «давай пошли со мной!», а ещё это распространённая во Франции фамилия.

Застолье – время для мяса, неспешных бесед и красного вина. В разгар «обеда», который затягивается далеко за полночь, хозяин, вдруг будто вспомнив что-то важное, восклицает:

– Помо́?

– Помо́! Конечно, помо́! – с энтузиазмом реагируют гости.

Застолье оживляется, и, как выражается Лолка, вечер перестаёт быть томным. Помо-кальвадос – это семидесятиградусный яблочный самогон, который гонят почти в каждом дворе. Благо, что недостатка в яблоках не наблюдается. Помо пьют из маленьких стопочек, напоминающих медицинские мензурки. При всей своей неприхотливости пить этот «вырви глаз» я не смогла, да что там говорить, его отвратительно было даже нюхать. Во время распития «огненной воды» Месье ударился в воспоминания своего героического прошлого и поведал о том, что когда он был молодой и горячий, то отважился посетить Санкт-Петербург и даже пил там русскую водку! При этом слушатели не смогли сдержать возгласов ужаса и восхищения перед безрассудством юного героя. Хотя, по сравнению с помо, любая водка – просто минеральная вода для лечения органов пищеварения.

Десерт предполагает выбор: сладкий ликёр или крепкий кофе с коньяком для тех, кто не намерен этой ночью терять время на сон. Такие несерьёзные сладости, как мороженое, покупной фруктовый компот, могут заинтересовать лишь младшее поколение. Пресловутый «посошок» тоже имеет место, но не в столь обязательной и навязчивой форме, присущей «посошку» русскому.

Расходятся гости далеко за полночь. Торопиться ни к чему, ведь многие из них если и пойдут на службу заработать на круассан насущный, то всего на несколько часов, до обеда. Не жизнь, а вечные каникулы!

Столько спиртного, как во Франции, я в жизни не пила! Причём всеми вокруг поддерживался миф о том, что французы пьют очень мало, если выпивают, то только качественные эксклюзивные вина. Было такое: как-то Месье принёс из закромов две пыльные, страшно дорогущие бутылки. На вкус вино оказалось невообразимой гадостью, сравнимой лишь с мочой старого монгола. И вино лилось рекой. Им утоляли жажду и запивали таблетки, разве что только руки не мыли. Причём шампанское не гнушались пить в больших количествах с самого утра – перед завтраком. Посреди стола в гостиной всегда стояла регулярно обновляемая бадья – пластмассовая бочка с краником. Каждый желающий мог подойти, налить сколь угодно – просто так, без особого повода. А вино не боятся давать детям самого нежного возраста.

И, что удивительно, несмотря на разливанные винные реки, я ни разу не увидела ни одного пьяного. Нигде! Изрядно выпив на званом ужине, французы смело рассаживались по своим авто и разъезжались по домам. На мои удивлённые вопросы отвечали: «Ты что? Какая ещё полиция?! В нашей-то деревне?!»

Да, поистине: алкоголь в Европе – приправа к жизни, а в России – лекарство от неё...

8. ANFANT TERRIBLE – УЖАСНЫЙ РЕБЁНОК

Не так страшен чёрт, как его Малютка... Скуратов!
(Из архивов «КВН»)

Лолка на ужин приехала злая и одна, без своего нового любовника. Когда её спрашивали, она шипела что-то про его неотложную работу в Париже. На мои осторожные расспросы ответила философски уклончиво:

– Все дебилы, ну кругом все – де-би-лы! И мой не исключение. Единственное, что успокаивает, – мудрость приходит к мужчине сразу вслед за импотенцией, так что недолго ждать осталось, – из чего я сделала вывод, что новая Лолкина пассия по возрасту не на много младше покинутого супруга.

– Совсем у тебя, Лолик, крышу сносит. Любимому мужчине такое желаешь!

– Ничего, переживёт, крепче за меня держаться будет. И, кстати, главный орган любви – это сердце! А если есть ещё и деньги, то это идеал мужчины!

– Так ты что, из-за денег, что ли? – ужаснулась я.

– Нет, из-за красоты его небесной!!! – огрызнулась подруга. – А вообще-то у него во-оот такая харизма!!!

Постепенно двор заполнялся автомобилями, съезжались гости. Вернулись с прогулок по пляжам-ресторанам мои соседи по этажу. Компания собиралась разношёрстная: экстравагантный друг Месье скульптор Ноэ́ль, фермер-тяжеловес Берна́р с одинаково толстыми женой и дочерью, увядающая красавица Флора́нс с неприлично юным супругом теннисистом Мишелем.

Вскоре подоспел ещё более странный треугольник: сосед-англичанин Клайд с любовницей Иркой и дочерью Келли. Девушки выглядели ровесницами, беспрерывно щебетали и внешне производили впечатление лучших подруг. А где-то в серой гуще британской столицы в самом чреве двухэтажной «трущобы» томилась в напрасном ожидании отверженная пожилая супруга молодцеватого джентльмена...

– *А эта девушка знаете откуда?*
– *?*
– *Из Сибири!*
– *Не может быть!!!**

– Бонжур! Коман сава?
– Сава! Трэ бьен! Сава?
– Мерси, сава!

– Лол, это что они все про сову какую-то говорят?

– Да это приветствие такое общепринятое, ну типа «как дела?». Ты смотри, – строго шепчет мне Лолка, – не вздумай кому сказануть, что ты из маленького сибирского городка. По европейским меркам, наш Барнаул – супер-пупер-мегаполис! Ихних виляжиков в один наш Индустриальный район таких с десяток влезет, а в наш Алтайский край три Франции войдёт. Ну, иди, делай «бэзю-бэзю» – целуй гостей то есть. Да, как хозяйка вынеси бон-бон для бебе́[6].

– Парле франсэ?
– Но. Англе![7]

Замечательный вечер поплыл, потёк, побежал, понёсся и, наконец, взмыл на сверхзвуковой скорости в бесконечное космическое пространство. Как приятно и радостно на душе, когда вокруг беззаботные весёлые люди! Столько внимания и комплиментов я, наверное, не получала никогда в жизни. Что мне особенно понравилось, что столом и приготовлением пищи занимались исключительно мужчины. На свежем воздухе всё казалось удивительно вкусным. Они периодически приносили новые блюда: сначала приготовленную на огне белую рыбу (с дымком), потом самые эк-

* Не думала, что этот диалог будет неотступно преследовать меня.

зотические, пусть и магазинные, шашлыки, нашпигованные больше овощами, чем мясом, затем прокопченные на том же очаге фрукты!

Когда во дворе совсем стемнело, хозяин зажёг разноцветные фонарики, которые сделали пейзаж и лица фантастическими. Мы сидели за белым столом под большим зонтом, как в кафе. Месье включил тихую музыку, которая не мешала беседе. Но, когда зазвучала песня «Битлз» про жёлтую подводную лодку, все дружно подхватили и горланили три раза подряд. Так ливерпульская четвёрка помогла найти общий язык французам, англичанам, эстонцам, армянам и русским-уже-почти-нерусским. А рядом за зелёной изгородью в вечерней дымке ходили точёные белые лошади, напоминающие сказочных единорогов.

Любовница англичанина Ирка щебетала без умолку на корявом английском, изображая то вредную заведующую кафедры из института, где она когда-то работала, то самого Клайда, когда ему что-то не нравится.

Клайд выходил у неё особенно здорово. Ирка столбенела, делала «страшные глаза» и только быстро-быстро перебирала пальцами. Объект пародии сидел прямо, словно лом проглотил, со свойственной ему невозмутимостью и лишь изредка снисходительно ухмылялся. Длинноволосый гигант скульптор Ноэль ловко вырезал тонкими маникюрными ножницами из цветной бумаги профили-шаржи на всех присутствующих. Лолка открыто любовалась божественным Ксавье, что в глубине двора переворачивал на решётке подрумянившиеся мясные кусочки.

Вдруг в самой атмосфере произошло некое негативное изменение. Мне сначала показалось, что подо мной пошатнулась земля. Идиллия рухнула в один миг, словно Нормандию накрыло смертоносное цунами. С диким гиканьем и нечеловеческим рёвом во двор ворвался разъярённый лев – «инфант» Эркюль-Пьер. Это в детской закончился диск с мультфильмом. Кто не спрятался, я не виноват! Первое, что сделал наследник всего этого благолепия, – с разбегу прыгнул в фонтан, окатив всех присутствующих холодными брызгами. Но рассерженный папа почему-то не подскочил, чтобы в праведном гневе наказать озорника. Все засмеялись, словно радуясь удачной шутке. Гости не возмутились, а, напротив, зааплодировали и стали подзывать «шутника» к столу ласковыми голосами. Видя моё недоумение, Лолка шепнула:

– Молчи, училка. Здесь не принято делать замечание детям, особенно хозяйским.

Однако же, когда на поляну к взрослым попробовали сунуться трое русских детишек Тамары, чтобы обратиться к родительнице с робким вопросом, когда же им наконец можно будет отправляться спать (на часах было половина первого ночи), грозная супруга высокопоставленного парижского чиновника посмотрела на отпрысков та-а-ак выразительно, что их как ветром сдуло.

Мудрый и добродушный Себастьян Лакарен взял Тамару в жёны после очередного, уже импортного замужества с тремя детьми от трёх разных неизвестных российских мужей, видимо, поэтому французские правила на воспитанных в спартанском духе ребят не распространялись. Вообще, столь темпераментная и предприимчивая особа, как мадам Тамара́, по-моему, и с десятком детей была бы нарасхват. Сыновья Тамары демонстрировали чудеса дрессировки, и их присутствие в доме оставалось практически незаметно. Чего, к огромному сожалению, нельзя было сказать об «инфанте».

После окропления гостей водой из фонтана «вождь краснокожих», пользуясь прекраснодушным попустительством взрослых, отпустил с поводков собак. И теперь два далматинца гоняли по двору, производя шурум-бурум не меньше своего юного хозяина. Тот, никем не пойманный, успел за пару минут несколько раз перелезть через изгородь к лошадям и распугать весь табун. Когда и это не возымело должного эффекта на разомлевших от вина малоподвижных взрослых, «инфант» подбежал к столу и начал его энергично трясти, одновременно успевая смачно и метко оплёвывать собравшихся.

Падали и разбивались тонкие дорогие фужеры, оставляя на крахмальной белой скатерти тёмно-бордовые лужицы. Бутылка элитного вина перевернулась и обильно, словно кровью, оросила белоснежное платье Флоранс плодами урожая 1956 года. Бледный Месье, извиняясь, прошипел:

– Ён энстан, месье. Экскюзэ муа. Анфан тэрибль, анфан тэрибль![8]

Оттащить «инфанта» от стола не было никакой возможности. Он вцепился в край мёртвой хваткой. А когда взбешённый отец всё же

неистово отдёрнул и понёс орущего «дважды царя» в дом, то вслед за ними потащилась осквернённая бывшая кипенно-белая скатерть, увлекая за собой всё, что на ней только что стояло.

У бедного Клайда случился паралич, и он выглядел теперь так же уморительно, как только что его изображала артистичная любовница.

Мне стало до слёз жалко бедного Месье, ведь кому как не мне было доподлинно известно, до какой степени бывают неуправляемыми современные расторможенные дети!

Расстроенный, словно прибитый, Месье появился на поляне, когда гости уже шумно прощались около своих автомобилей. Люди хохотали, многократно перецеловывались и вообще вели себя так, будто совершенно ничего не произошло. Растерянно пытаясь изобразить беззаботность, дабы соответствовать общей благодушной атмосфере, Месье нелепо тыкался в чужие щёки, обнимал всех без разбору словно одеревеневшими руками.

Когда за поворотом скрылся последний гостевой экипаж, Месье резко повернулся ко мне и приблизился вплотную так, что я невольно залюбовалась золотой цепью, блестящей змейкой петлявшей в густых зарослях на его мощной груди. Он крепко прижал меня к себе, источая жаркие энергетические волны, вдруг словно ребёнок уткнулся мне лицом в шею. Внутри меня поднималось некое неведомое чувство, замешенное на жалости, страсти к непознанному, страхе и восхищении одновременно.

Несмотря на то что попала в мощный капкан объятий и от невозможности вырваться словно срослась со вторым телом, я чувствовала необъяснимую власть над этим приросшим ко мне человеком, что ещё недавно был совсем чужим, а теперь так неожиданно стал самым близким.

Поцелуи нежной тянущей волной накрыли с головой и выдернули из реальности. Сверкающий сгусток нерастраченной любви ярким солнцем перекатывался из его груди в мою и обратно...

Мы словно попали под волшебный фиолетовый купол, где были одни во всём мире. Сквозь тёмную пелену, застилавшую зрение, с трудом пробирались вверх, на второй этаж, как будто лезли в гору. Такому неуклюжему слепому существу с двумя парами ног и рук восхождение давалось с трудом. Мы задыхались, а наше общее сердце готово было выпрыгнуть наружу и скатиться к подножию бесконечной лестницы. Пространство искрило электрическими разрядами, и страсть распирала каждую клеточку общего организма.

От Месье исходил тонкий аромат полевых вьюнков, а жадные горячие губы были нежны и настойчивы. Бордовый балдахин над моей кроватью медленно тронулся и поплыл. Всё вокруг закружилось, как на карусели, мы помчались всё быстрее, быстрее...

Как же так здорово может всё совпасть? Это мы совпали с ним, словно детская забава – пазлы, и получилась картинка, а точнее – новая счастливая картина мира, наполненного новыми яркими чувствами и красками!

Когда Месье разжал объятия, то показалось, что меня, будто новорожденного, выталкивают из мягкого тёплого материнского чрева. Как раз вовремя вспомнилось одно французское выражение (на подмогу пришёл бытописец Павел Федотов с полотном «Анкор, ещё анкор!» и одноимённая отечественная комедия).

– Анкор! Анкор! – взмолилась я и, как утопающий, вцепилась в Месье. Он посмотрел тепло и чуть насмешливо. Удивительно, до чего же прозрачные и ярко-голубые у него глаза, как два кусочка ясного июльского неба!

– Жё тэм. Жё тэм, ма пётит Элина́...[9]

Месье снял с загорелой шеи кулон и протянул мне. Пушистые заросли на его могучей груди лишились гуляющего в них золотого Аполло́. Перед моими глазами проплыли шикарные перья, пока-пока-покачиваясь на широкополых шляпах секс-символов моего детства – киномушкетёров. И я вслед за ними шепнула судьбе и Месье:

– Мерси боку. Мерси боку!

Вдруг в коридоре послышалось некое шебуршание и в дверь градом посыпались тумаки:

– Папа́! Папа́! Папа́! Папа́! Папа́!.. – словно заводная китайская игрушка с противной пищалкой, в дверь бился неуёмный «инфант» и, судя по интонации, намеревался дойти до победного конца. Мне показалось, что свет померк, воздух сгустился – из преисподней дохнуло серой. А малолетнее исчадие верещало всё сильнее, временами переходя на

ультразвук, и сердито топталось на осколках моего хрустального замка.

– Мон пюпюс! Пюпюс![10] – чуть слышно прошелестел Месье.

Неожиданный финт, что выкинул перепуганный родитель «пюпюса» в следующую секунду, поначалу вообще не поддавался никакому объяснению. Месье скатился на пол, увлекая за собой и меня, после чего сверху накрыл одеялом. Но разведчик из него вышел никудышный, потому что проделал он это с невероятным грохотом. Меня распирал истерический смех и, чтобы не обнаружить перед противником место дислокации, Месье крепко прижимал моё лицо к своему шерстяному животу. Я задыхалась и от этого ещё пуще закатывалась в почти беззвучном, лишь иногда крякающем хохоте. Чтобы отделаться от медвежьих объятий Месье, я стала уползать от него под кровать. Он, в свою очередь, подозревая, что родимое чадо следит за нашими передвижениями в замочную скважину, схватил меня за ногу, не давая уползти, дабы не производить бóльшего шума с шевелениями. «Пюпюс» колотил в дверь ногами и истошно орал. От смеха, переходящего в кому, я распласталась на полу абсолютно голая в полном изнеможении.

– Костик! Привет! У меня всё чудесно! Чудесно-расчудесно!

– Да я уш-ш слышу, – в голосе друга слышались скептические насмешливые нотки, но, чтобы усилить издевательский эффект, Костик продолжил общение исполнением арии приторным опереточным голосом, переходя на визг: «Я, кажется, влюби... Я, кажется, влюби... Влюби-и-ила-ась!»

– Ладно, кончай завидовать. Ты-то как?

– Я-то? А зашибись! Новый диск пишу, новый клип снимаю, новой жизнью живу... По удостоверению помощника депутата в аэропорту без очереди и таможенного досмотра прохожу. Красота! – последние слова Костик почти прокричал. Я уловила в его интонации браваду обречённого на казнь. После непродолжительной паузы Костик добавил с вернувшейся к нему самоуверенностью: – И мой тебе совет: не путай работу с личной жизнью! Эх ты, к-коровушка.

9. МИЛЛИОНЕР В МАГАЗИНЕ

В любви все средства хороши, особенно наличные!

Про Жратву и Другое (из Закона Гоблинов)
...№ 6. Нашёл Жратву или Другое и оно не приколочено – тащи всё в дом, дома сожрёшь.
(Лисси Мусса «3000 способов не препятствовать стройности, или Сделаем из Тушки Фигурку»)

Главным развлечением во Франции у меня стал шопинг. Нет, не думайте даже, что мне покупали дорогие наряды и я стала капризной модницей. Ничего подобного! Просто, когда в округе из живых существ – в основном жеребцы да кобылы, а до ближайшего магазина нужно ехать двадцать минут на машине, поневоле поездки за продуктами станут источником незабываемых впечатлений. Почему, спросите, этим не занимается прислуга? Отвечу: горничная и дворецкий – это такой же праздничный антураж, как и фонтан, и многое-многое другое.

Мони́к, правда, приходит изредка убираться, а её молчаливый супруг за отдельную плату ремонтирует электричество в доме, помогает дробить зерно для лошадей в специальной машине. Всю остальную работу, включая даже стрижку необозримых газонов, Месье из жадности делает сам.

Бедняжке Мони́к, конечно, не позавидуешь. Уборки ей достаётся много, особенно в чёрные дни, когда несносный пюпюс гостит у папá. Некоторые французские привычки поначалу могут привести в шок. Например, заходя в дом, никогда не снимать обувь и в ней же непременно заваливаться на постель! Особенно поражал Месье, когда, вернувшись после работ из конюшен, скидывал посреди гостиной пыльные джинсы, коим предстояло пролежать там несколько дней, дожидаясь Мони́к.

О мытье рук перед едой вообще никто никогда не вспоминал. Даже детей не особо заставляли соблюдать чистоту, не полоскали ежеминутно упавшие соски, не отбирали всё, что тащилось отпрысками в рот. Никому в голову не пришло бы отлупить малыша за то, что он облизывает свой сандалик, как непременно сделали бы некоторые параноидальные российские мамаши. Несмотря на столь вопиющее антисанитарное поведение, повсюду царила чистота, дети не томились в тухлых боксах инфекционных отделе-

ний, словно в умытой пижонистой Франции микробов вовсе нет!

Однажды во время одной из увеселительных поездок в ближайший супермаркет километров эдак за двадцать запомнилась необычная погоня. Всю дорогу за нами гнались бабки-рокерши на зверском «харлее»! Отвязные старушки в «косухах» и кожаных банданах мчали быстрее ветра, демонстрируя миру многочисленные цветные татуировки и позитивное отношение к жизни. Когда дерзкая парочка всё же обогнала нашу машину, то одна из почтенных матрон развернулась к нам и, как сказал бы Виталик из 7 «В», показала обидный «факельный» палец. А что? Веселятся как хотят!

Я почему-то сразу представила свою бабулю в компании этих заграничных ровесниц. Моя робкая блюстительница нравственной чистоты и этикета, с детства запуганная произволом разнообразных часто меняющихся властей, на мотоцикле, в коже и клёпках – вот уж действительно умора!

На автостоянке рядом с машинами расположились большие тележки для товара, «скованные одной цепью...». Чтобы отсоединить тележку, Месье открыл собственным магнитным ключом замок, какие стоят сейчас на домофонах в наших подъездах. Пюпюс ловко запрыгнул в продуктовую телегу и помчался в боевом транспорте вперёд к новым диверсиям. Двери на фотоэлементах едва успели распахнуться перед боевой машиной.

«Мы едем-едем-едем...» вдоль бесконечных полок и останавливаемся у длиннющей витрины-холодильника, переполненной мясными деликатесами, как на фламандском натюрморте. В руках у Месье – самого обеспеченного покупателя этого супермаркета – неизменный калькулятор-антиквариат, почти дореволюционного вида, такие уже давненько списаны даже в самых захудалых совхозных конторах Тамбовщины.

Месье придирчиво рассматривает со всех сторон «эскалёп во» (телятина пластинками) по два с половиной евро и кидает его обратно на прилавок, выудив почти такую же упаковку, но с дешёвой индюшатиной по одному евро:

– Вкусно, а главное, недорого! – констатирует гордо.

Но малыш тут же нарушает идиллию, наказывая папашу за мелкобуржуазное скупердяйство. Смелый юный «Кибальчиш» хватает с проплывающей мимо его носа полки самую дорогую пачку отбивных, молниеносным движением прорывает вакуумную упаковку. Месье обречённо вздыхает, понимая, что теперь обязан купить испорченный товар, и кидает ненужные отбивные в тележку по соседству с любимым малюткой.

Но тот не привык останавливаться на достигнутом и тут же предпринимает новую попытку повернуть отсталое капиталистически-прогнившее классовое сознание в сторону отказа от материальных благ. Но теперь агент «пюпюс» действует более мудро, то есть исподтишка.

Не проронив ни слова и сохраняя хладнокровие так, что ни один мускул не дрогнет на ангельской мордашке, трепетно-аристократическим большим пальцем ноги поочерёдно и последовательно давит виноградины только что брошенной на дно тележки сочной лозы. Когда недотёпа-отец застукал его за этим занятием, пюпюс уже успел героически истребить больше половины вражеского винограда. Малыш бесстрашно и откровенно насмешливо смотрел прямо в лицо орущего взбесившегося буржуина. Мир не знал подобного героизма!

Подвиг не остался незамеченным – награда нашла героя! За проявленную смекалку и беззаветное мужество пюпюс был поощрён множеством разноцветных коробок с игрушками, яркими говорящими детскими книжками и дисками с мультиками. Сверху гору пёстрых подарков с еле просматриваемым под ними мальчиком венчал самый большой и дорогой рожок мороженого. Для других лиц, имеющих гораздо меньшую ценность для Месье, мороженое, как и остальные продукты, покупались большими упаковками по оптовым ценам, желательно со скидками.

Мимо женских отделов, в отличие от детских, Месье проходил, опустив взгляд долу, порывистым деловым шагом, будто спешил по важному делу, но по дороге ему предстояло идти мимо кучи мусора, глядеть на которую неприятно, поэтому нужно поскорее пробежать это противное вонючее место. Наверное, права была Лолка, поучая меня, глупую: «Любовь измеряется деньгами! Насколько мужик готов на тебя потратиться – настолько он тебя и любит. Это ж э-ле-ментар-но!» Из чего я сделала неутешительный вы-

вод, что Месье испытывает ко мне лёгкую симпатию на сумму, равную обеду в ресторанчике средней паршивости, истраченному бензину и выклянченному тюбику солнцезащитного крема (я ж и предположить не могла, что здесь может быть так жарко!). Из списка явно выбивался золотой кулон-Аполло, но эту оплошность можно списать на случайный неуправляемый эмоциональный порыв. С каждым может случиться!

И вдруг аттракцион неслыханной щедрости:

– Элина́, а давай я тебе джи-инз (джинсы) куплю.

Я смутилась, очутившись в двояком положении: от подарка не хочется отказываться (это ж такая редкость!) и джинсы я никогда не осмеливалась надевать по причине полноты ног. Такова уж моя ужасная конституция – даже если я, замучив себя диетами насмерть, наконец умру от истощения и в гробу буду лежать скелет скелетом, то, несмотря на это, мои ножки будут приятно пухленькие.

– Элина́, джи-инз много должно быть. Лучше всего пять джи-инз или семь! Но можно больше. Джи-инз – это незаменимый!

Как-то раз Месье нечаянно сел на мои солнцезащитные очки и, конечно, их раздавил. Когда я, стесняясь и сгорая от стыда, подвела Месье к стене-прилавку, изобилующему разнообразной оптикой на все вкусы, и посмотрела на него как можно жалостливее, демонстрируя богатому любовнику, что я сейчас почти инвалид по зрению, Месье, нисколько не страдая от чувства вины, твёрдо заявил: «Зачем тебе очки, скоро лето кончится!» Дело было 15 июля.

Цены указаны во франках, а рядом их эквивалент в евро. На вещах жёлтые бумажки – это сольдо, скидки по-нашему. Все мои новые французские подруги предпочитали тянуть до последнего, когда произойдёт окончательная уценка. И тогда сметали всё, что надо и не надо, главное, что цена максимально снижена!

Наряды местных дам показались мне, мягко говоря, странными, потому я категорически отказывалась от их многочисленных презентов от кутюр. Если бы я только могла предположить, какими ультрамодными станут у нас лет через пять рваные футболки, юбки с ассиметричными подолами, все эти мятые, как будто специально изжульканные, линялые одёжки с необработанными краями и швами наружу!

Один из самых ярких эпизодов, что врезался в память, связан с покупкой фруктов. Я уже рассказывала, как на столе от длительной невостребованности гнили бананы-апельсины и как их потом выбрасывали тазами...

Аттракцион невообразимой жадности и бесчестия начинался так: игнорируя расфасованные продукты, Месье подходил к прилавкам, где покупатели могли сами выбрать и положить в мешочек сколько угодно сладкой черешни, крупной сахарной клубники, оранжевых пушистиков-абрикосов.

Словно добропорядочный законопослушный гражданин, Месье накладывал по полмешочка и покорно семенил в середину торгового зала, где молоденькие юноши-продавцы взвешивали товар и наклеивали соответствующие ценники.

Суть в том, что, в отличие от барнаульских магазинов, где за каждым покупателем неотступно следят зоркие менеджерские очи плюс камеры слежения, видя в каждом потенциального воришку и угрозу обществу, европейские гипермаркеты столь огромны, а население столь наивно, что верит друг другу на слово. Тут даже таким солидным мужам, как Месье, есть опасность превратиться в закоренелого афериста.

Итак, взвесив покупки, Месье вновь возвращался к полкам, развязывал мешочки и без опаски докладывал до краёв сладкой черешни, крупной сахарной клубники, оранжевых пушистиков-абрикосов. И всё это на глазах родимого пюпюса.

На кассе аппарат считывал код: только название и цену, соответствующую половине украденных продуктов. Вот так не брезговал «владелец заводов, газет, пароходов...» и элитных арабских скакунов мелким жульничеством. «Это не то что мы! – как с досадой выражается бабушка. – Не украсть, не покараулить!»

Кстати, рассчитываться в магазине и в ресторане можно чековой книжкой и кредитной картой. Для этих целей у каждой кассы лежит прибор, напоминающий калькулятор на проводе, чтобы покупатель мог вводить номер и код. Прошло уже много лет, а в нашем родном городе таких услуг по сей день не всюду найдёшь.

Внезапно в самый неожиданный момент пю-

пюс, у которого закончилось мороженое, с размаху падает ниц. Корчась, как от судорог, он молотит руками и ногами по мраморному полу, требуя очередного подношения. Люди обходят безобразную сцену бочком, виновато улыбаясь. Я помню Лолкин наказ: «Здесь не принято делать замечания, особенно детям!», поэтому тоже скромно стою и любуюсь, как очаровательное дитя вьёт километровые канаты из своего папá.

Здешние младенцы с молоком матери впитывают идею демократии, переходящей от свободы во вседозволенность. Наверное, поэтому европейские дети очень плохо приучаются к горшку и до 5 (!) сосут палец вместо соски.

Я вдруг увидела будущее пюпюса и то, каким он станет: красивый и надменный подлец, растоптавший безумно любящего отца.

Месье, напротив, демонстрирует стальную выдержку и нечеловеческое терпение. Ласковым голосом он уговаривает сынишку быть хорошим мальчиком и вести себя прилично. Неистребимый оптимист Месье бежит к киоску, где делают сладкую вату:

– Пюпюс, «Барба-папá»! «Барба-папá»[11]!

Пюпюс не унимается, и нам приходится спасаться от бесчестия бегством. На пути к выходу дорогу преграждает толпа народа, идущего навстречу, – в магазин шумно вваливается большая группа американских туристов. Все толстые и все в шортах. Одна кассирша, кивая на них, что-то громко говорит другой. Обе заливаются ехидным беззастенчивым смехом. Месье весело переводит:

– Пора двери расширять, а то американцы не пролезут!

Мне, страдалице от жуткой предрасположенности к полноте, шутка не кажется смешной. Я не стараюсь скрыть возмущения от Месье.

– Во Франции так не любят толстых или это особое отношение к американцам?

– Глупости! Во Франции ценят шутку и понимают юмор! Французы самые лучшие!

– Только вот красивых женщин во Франции лишь по телевизору показывают. Если бы эти две тётки-кассирши родились в наших краях, то услышали бы про себя тоже много шуток.

Месье охотно соглашается и громко хохочет с открытым ртом, запрокинув голову.

10. ПРИЗРАК ТЕЛЕВИДЕНИЯ БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ

– В наше время главное украшение стола какое?
– Телевизор!
(Из мультфильма «Зима в Простоквашино»)

Всё-таки телевизор – настоящий друг человека. Никто не может так быстро успокоить, как он, любимый! Первое, что я увидела на экране, была знакомая до боли передача «Кто хочет стать миллионером?», но вёл её почему-то не родной каждому российскому зрителю телеведущий всея Руси Макс «Алкин», как говорят юмористы, а очень похожий на него французский юноша. Единственное отличие состояло в том, что действующими лицами были французы. Боже, неужели все, что показывают на нашем телевидении, придумано в Европе?!

Переключая бесконечные каналы, я с удивлением узнавала интерьеры студий, ежедневные смешные сериалы, ток-шоу, игровые программы и другие «фабрики звёзд» (только если у нас это фабричный конвейер, то во Франции – «Стар академи́» – академия звёзд).

Особенно радовала узнаваемостью реклама – подавляющее большинство роликов было из тех набивших оскомину, что наши отечественные зрители невольно зазубривают наизусть в раннем детстве. «Снесла курочка яичко, да не простое, а очень простое – фирма «Вэллдом»!» – смешил наивной интерпретацией соседский малыш. Приезжаем во Францию, а тут, оказывается, та же фирма, для которой осчастливить клиентов не только просто, а очень просто...

Только вот когда начинается на французском телевидении очередной рекламный блок, то громкость сама собой делается значительно тише, а следовательно, снижается и раздражение зрителя, замученного созерцанием навязчивого двигателя прогресса. Да и количество рекламы, бесцеремонно прерывающей интересный фильм в самый неподходящий момент, неизмеримо меньше.

Неужели соотечественникам в десятки раз нужнее знать, что именно порошок «Ариэль» подарит им альпийскую свежесть? Ведь когда рекламу гонят по российским ящикам, то звук, наоборот, врубают на всю мощь. И все, кто вооружён символом семейной власти – пультом от те-

левизора, реагируют мгновенным устранением источника раздражения и переключают на другой канал, а ежели и там притаился агрессивный противник, то телик на время вырубают и спокойно идут в туалет. Рекламная пауза, товарищи!

– Элина́, иди сюда скорей. Твой Барнаул показывают! – кричит Месье из гостиной.

Вбегаю в комнату. Всего две недели в разлуке с родиной, а, чувствую, соскучилась до слёз! Хоть посмотреть на родные лица... Вместо Барнаула показывают потоп на острове Борнео. А французам без разницы, Барнаул или Борнео, когда во рту каша, звучит почти одинаково.

К своему удивлению, я много смотрела художественных фильмов. Никто мне их, понятное дело, не переводил, но всё было и так понятно, потому что в большинстве своём это были комедии или трогательные детские фильмы про животных. Особенно запомнились два киношедевра, потому что они показывали Россию. К истинному положению эти потуги, правда, не имели никакого отношения, но за попытку – спасибо!

Первое кино тужилось изобразить родную сторонушку. Экзотическое поселение аборигенов Сибири в представлении смелого европейского режиссёра являло собой жидкую россыпь чёрных неказистых землянок, занесённых снегом. Декоратор явно ошибся климатическим поясом и вместо густых лесов сибирскую деревушку окружала ледяная пустыня без признаков растительности. Пейзаж явно демонстрировал ужасы полюса вечной мерзлоты, но входные двери в убогие хатки имели застеклённые окошечки и собачьи лазы внизу, а едва очерченные под толстым снежным покровом крыши были украшены резными флюгерами. Беспрерывный кинематографический буран стремился превратить мою малую родину в один большой сугроб. Но под толщей никогда не тающего снега, в закопчённых допотопными лучинами избах обитали крупногабаритные нечёсаные православные батюшки. Все как на подбор с бородищами ниже пояса, мохнатыми грозными бровями и недружелюбным характером. Униформа русского мужского населения состояла из безразмерной чёрной рясы и высокого чёрного колпака. Женщин в русских селеньях не было вообще. Видимо, устав останавливать коней на скаку и заходить в горящие избы, все русские бабоньки взялись за ум и эмигрировали в просвещённую Францию. Оставленные без присмотра мужики впали в религиозный фанатизм и, безостановочно молясь, сильно мешали главному герою – молодому красивому французу – путешествовать по России. Увидев на прогрессивном, добром и открытом герое модную куртку, кроссовки и бейсболку, я с ужасом поняла, что фильм живописует современность.

И это был отнюдь не «Назад в будущее-4», и не какой-нибудь американский блокбастер про путешествия во времени. Американские фильмы на французском телевидении не то чтобы совсем запрещены, но как-то не востребованы, ведь есть свои французские, которые лучше всех! Даже слово «О`кей!» говорить по телевизору не то чтобы нежелательно, но как-то не принято, ведь есть родной французский аналог «Дакор!» – этак гораздо лучше!

Второй фильм «про Россию» был из когорты старого, нудного, узкоформатного кино, которое так любят все интеллектуалы. Чёрно-белая лента. Восемьсотлохматый год. Революция. Узбек-фильм. В грязном дребезжащем вагоне поезда едет молодая целомудренная узбечка. Вдруг к ней в купе заходит молодой политически грамотный узбек-красноармеец:

– Салам алейкем.

– Алейкем асалам, – испуганно бормочет и вжимается в угол смущенная девственница востока.

– Бонжур, мадам! Бонжур, месье! – томно переводит сексуальный баритон.

После приторно-леденцового образа французского телевидения особенно жутко было слышать дома с настойчивой регулярностью по родному ящику, что в любимом отечестве по всем каналам взрывают-убивают, ежедневно люди пачками страдают-погибают, и всё новые, и новые фрагменты тел разбросаны в радиусе километра...

Увлёкшись подростковым телесериалом про то, как юная манекенщица морит себя голодом и оказывается на краю смерти, забываю о бдительности и опрометчиво не запираю комнату. Моей оплошностью не преминул коварно воспользоваться террорист по кличке «Инфант», он же «Пюпюс», он же «Дважды царь».

Боец молниеносно впрыгнул в тыл врага и метко запустил мне в голову увесистой телепрограммой размером с «Капитал» Карла Маркса. Телевизионные программы во Франции похожи на толстые модные журналы-каталоги, поэтому представьте, будто я получила в висок кирпичом. На долю секунды в глазах потемнело...

В следующий миг осознаю себя в конце коридора держащей за шкирку перепуганного пюпюса с занесённым над ним орудием в виде теле-булыжника. Вот так, наверное, и совершаются убийства в состоянии аффекта. Опомнившись, не спешу отпускать сорванца, с удивлением для самой себя садистски наслаждаюсь испугом и беспомощным состоянием жертвы. В синих (папиных) глазах пюпюса вижу проблеск сомнения – нет, не ударит. Видимо, «инфанта» наказывают лишь в крайних случаях, как, например, публичное оплёвывание гостей.

Но рамки дозволенного поставить необходимо. Опустив солидный томик, не скупясь, шлёпаю по пюпюсовой заднице так, что на коже наверняка отпечаталась пятерня. Пюпюс, не веря в происходящее, набирает в лёгкие побольше воздуха и, взревев, как пожарная сирена, мчится показывать боевое увечье отцу и сейчас точно донесёт на меня по полной программе.

Ничего, ничего, ничего,
Сабли, пули, штыки – всё равно...

Завтра пюпюса отправляют к матери. Французский суд – самый гуманный суд в мире, он мудро распределяет радость общения с милым чадом поровну между родителями. Свои две недели мы с Месье оттарабанили, как говорится, «от звонка до звонка», теперь очередь пюпюськиной мамаши, пусть она теперь свои две недели попляшет с ненаглядным крошкой-террористом. А у нас отпуск от этого монстра.

Ура!!! Начинается свобода!!!

Зато по телевизору запускают «Тур-де-Франс». Хотелось же мне увидеть на экране чисто французскую «изюминку», чтоб от всей мировой тележвачки отличалось, – ну вот, пожалуйста! По всем каналам в спины друг другу сосредоточенно пыхтят потные велосипедисты. А значит, по телеку смотреть больше не на что!

(Окончание следует)

Примечание

1 Ведьмой и парикмахером *(из «детского» языка)*.
2 Я не понимаю *(искаж. франц.)*.
3 Городок *(искаж. франц.)*.
4 Приятный, милый *(искаж. франц.)*.
5 Инопланетянин *(искаж. франц.)*.
6 Конфеты для детей *(искаж. франц.)*.
7 – Говорите по-французски?
– Нет. Английский.
8 Минуточку. Простите меня. Ужасный ребёнок, ужасный ребёнок! *(искаж. франц.)*.
9 Я тебя люблю. Я тебя люблю, моя маленькая Елена. *(искаж. франц.)*.
10 Мой малютка! Малютка! *(искаж. франц.)*.
11 Искаж. от франц. «Barbe-á-papa» – «папина борода», т.е. сладкая вата на палочке.

□

Юлия НИФОНТОВА –
поэт, прозаик.
Окончила Алтайский государственный институт культуры и искусств.
Публиковалась в литературно-художественных журналах «Алтай», «Бийский вестник», «Русское эхо», «Луч», «Московский вестник», «Роман-журнал. XXI век», «Наш современник» и пр.
Автор шести книг, среди которых «Провода гудящих строчек», «Предчувствие», «Осколки матриархата», «Шиза в квадрате» и др.
Лауреат литературных премий им. А. Пушкина (2007), им. А. Соболева, им. В. Бианки (2011) и VIII Артиады народов России в лиге мастеров (2006), «Золотое перо» (2012).
Член Союза писателей России.
Живет в Барнауле.
В журнале «Север» публикуется впервые.